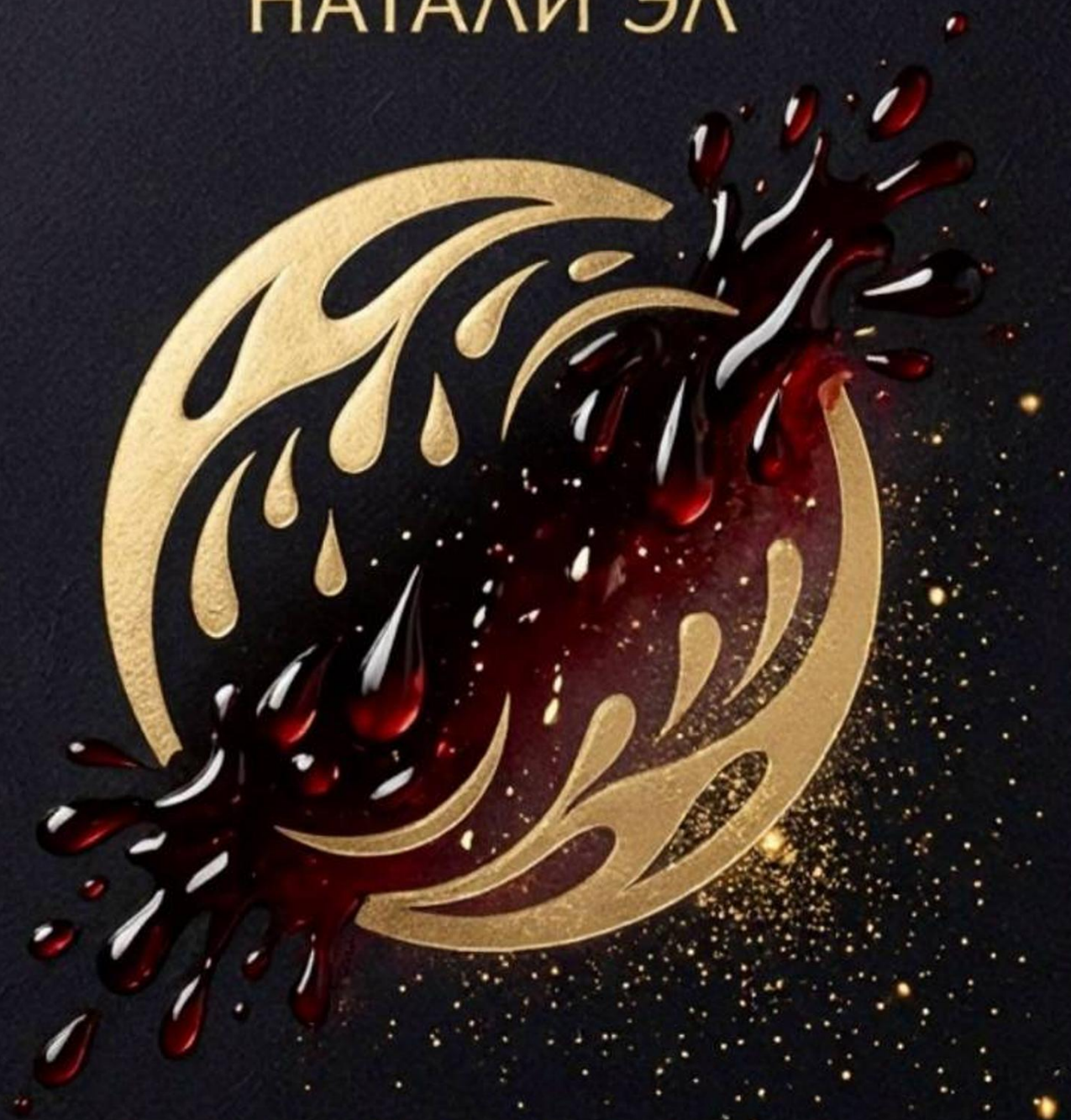

НАТАЛИ ЭЛ

ДНК-КОД КОНТРАКТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Натали Эл

ДНК-код: Контракт

«Автор»

2026

Эл Н.

ДНК-код: Контракт / Н. Эл — «Автор», 2026

В мире, выжженном смертоносными эпидемиями, у человечества остался единственный шанс на спасение — Система. Жесткий генетический контроль, принудительный отбор и военизированный сектор Арка Фоедерус, где ученые ведут селекцию уникальных ДНК-штаммов ради выведения нового, полностью иммунного поколения людей. Здесь, под неусыпным контролем искусственного интеллекта и директора Кристофера Бранна, у каждого Кандидата есть лишь одна цель — получить контракт и пропуск в благополучный Стерильный город. Система уже просчитала будущее восемнадцатилетней Алекс Моро и вшила в её личное дело идеальное «зеркало» — лагерного старожила Джека Портера. Алекс уверена, что сможет выдержать притирочные тесты и послушно сыграть по чужим правилам ради выживания. Но что делать, если стерильный фасад скрывает слишком темные тайны, а случайное столкновение с главным генетиком Генри Астором ставит под угрозу её веру в Систему? Один год до распределения. И один брачный контракт, который уже невозможно разорвать.

© Эл Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ДНК-код: Контракт

Аннотация

В мире, выжженном смертоносными эпидемиями, у человечества остался единственный шанс на спасение — Система. Жесткий генетический контроль, принудительный отбор и военизированный лагерь, где ученые ведут селекцию уникальных ДНК-штаммов ради выведения нового, полностью иммунного поколения людей.

Здесь, под неусыпным контролем искусственного интеллекта и директора Кристофера Бранна, у каждого Кандидата есть лишь одна цель — получить контракт и пропуск в благополучный Стерильный город. Система уже просчитала будущее восемнадцатилетней Алекс Моро и вшила в её личное дело идеальное «зеркало» — лагерного старожила Джека Портера. Алекс уверена, что сможет выдержать притирочные тесты и послушно сыграть по чужим правилам ради выживания. Но что делать, если стерильный фасад скрывает слишком темные тайны, а случайное столкновение с главным генетиком Генри Астором ставит под угрозу её веру в Систему?

Один год до распределения. И один брачный контракт, который уже невозможно разорвать.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Натали Эл, 2026. Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме и любыми средствами без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Глава 1

Вдох.

Лучик солнца медленно пробирается в комнату и добирается до письменного стола. На нём лежит увесистый учебник по анатомии, открытый на странице с заголовком «ДНК и РНК». Там подробно объясняется, как строится цепочка аденина, тимина, гуанина и цитозина... Скучное, сухое чтение. Но уже несколько месяцев девушка, живущая здесь, не может оторваться от этих страниц. Рядом лежит блокнот, исписанный её мелким почерком, и разноцветные ручки. Она отчаянно пыталась разобраться. В школе им рассказывали об этом лишь вскользь.

Выдох.

Рядом — полка с цветами. В их сером городе редко встретишь в домах живую зелень, но здесь, на деревянном стеллаже, собралась целая коллекция: маленькие кактусы, фиалки, нежные домашние розочки. Скоро девушка покинет этот дом. Она очень надеется, что мама не забудет ухаживать за её любимцами.

Вдох.

Лучи света потихоньку отвоевывают пространство и уже ползут по белоснежному постельному белью. Оно пахнет дешёвым, но приятным кондиционером. Именно этот знакомый с детства запах даёт старой кровати неповторимую домашнюю мягкость.

Выдох.

Свет окончательно заливает комнату. Тёплые лучи касаются лица девушки, заставляя её зажмуриться. Она уже давно не спит и неподвижно смотрит в окно, наслаждается утренней тишиной и пытается навсегда запомнить каждую мелочь вокруг себя. Сегодня ей исполняется восемнадцать. Это значит, что пришло время покинуть отчий дом. Возможно, навсегда. Нужно так много успеть. И хотя чемоданы собирались заранее, времени всё равно остаётся мало. Впрочем, нет такого количества времени, которого хватило бы, чтобы свыкнуться с неизбежным. Ты не выбирал этот путь. За тебя и твою семью всё давно решили эти проклятые тимин, аденин, гуанин и цитозин. Именно поэтому девушке было так важно узнать: что же система нашла в её ДНК такого исключительного?

Вдох.

Алекс Моро родилась восемнадцать лет назад в небольшом городке на севере страны. Её мама, Мириам, тогда работала шеф-поваром в достаточно крупном ресторане. В те годы рестораны ещё существовали. Мириам буквально горела своим делом, искренне любила его и именно там встретила главную любовь своей жизни — Гейла.

Гейл был помощником архитектора — профессия куда более востребованная в нынешнее тяжёлое время. Он оказался в том ресторане на подписании важного договора и сразу приметил гжучую брюнетку в белом поварском чепчике, которая яростно ругалась с посетителем. Похоже, капризному гостю просто не понравился приготовленный десерт. И хотя эта хрупкая, разгневанная особа внушала окружающим искренний ужас, Гейл был не из робких.

Спустя пару лет они съехались, начав жить под одной фамилией Моро, а ещё через девять месяцев на свет появилась малышка с огромными, карими глазами. Третья и самая главная любовь Мириам. Вот такой крошечный, тёплый мирок посреди глобального хаоса утасяющего человечества.

Жизнь вокруг за последние годы становилась всё сложнее и страшнее. Болезни, которых с каждым разом рождалось всё больше, безжалостно пожирали людей, чей естественный иммунитет таял на глазах. Изголодавшиеся по безопасности граждане массово бежали в мегаполисы ради хоть какой-то работы. В маленьких же провинциальных городках теперь царила вечная, смертельная тишина.

Мегаполисы в целом ещё держались на плаву. Они существовали по правилам старого мира или хотя бы пытались искусно имитировать нормальную, сытую жизнь. Но даже там с каждым годом гайки закручивались всё туже. Мир неумолимо менялся, стирая границы прежней географии.

С карты планеты уже исчезли некогда великие гиганты, такие как Франция, Пакистан, Польша и Армения. Многие другие государства находились на грани полного растворения. Без медицинской страховки и горсти ежедневных таблеток в этом мире ты был не жилец. Новые, агрессивные штаммы вирусов появлялись практически каждый месяц. Всемирная организация здравоохранения давно не справлялась с нагрузкой: стоило учёным синтезировать вакцину от одной заразы, как тут же рождалась другая. И этот проклятый, замкнутый биологический круг не прерывался вот уже долгие сорок лет.

Некоторые страны начали экстренно модернизироваться, подстраиваясь под сложившуюся катастрофу. Где-то полностью запретили рождаемость: люди добровольно выбрали медленное, но комфортное вымирание, решив не расходовать тающие ресурсы на новых жителей. Где-то ввели тотальную изоляцию, навсегда уйдя в бункерное проживание. Какие-то государства ещё отчаянно держались, бросая все силы и средства исключительно на развитие военной медицины. В стране, где жило семейство Моро, также действовали свои суровые правила.

Когда маленькие провинциальные города начали вырождаться, Мириам и Гейл приняли тяжёлое решение переехать в мегаполис. К счастью, работа мужчины позволяла закрепиться на новом месте. Женщине повезло меньше: крупный ресторанный бизнес, который она так любила, в условиях карантинных сменился безликой сетью мелких пекарен и кофе на вынос. Но зато она смогла полностью посвятить себя воспитанию Алекса.

В их государстве был введён строгий закон пятидесятилетия. Раньше, на заре пандемии, он назывался законом о прохождении рубежа шестидесятилетия. В своё время этот указ вызвал волну жестоких митингов и дебатов, но со временем люди смирились. Правило гласило: после пятидесяти лет ты полностью лишаешься медицинской страховки — независимо от твоего статуса, заслуг и происхождения. Ты лишаешься бесплатных таблеток, блокаторов мутаций и помощи квалифицированных врачей. Никто не был готов тратить государственные ресурсы на тех, кто уже прожил свою лучшую часть жизни. Теперь ты сам по себе. Государство не убивало стариков напрямую. Но оно и не давало им ни единого шанса выжить.

Единственным золотым билетом, оставшимся для простых смертных в этой ловушке, был скрининг их собственных детей. Счастливый билет вытягивал далеко не каждый, но те, чей жребий выпал, не имели права отказаться. При рождении каждый младенец проходил обязательную генетическую проверку. Это было не пожеланием родителей, а непреклонным законом. Дети, чей ДНК-код показывал уникальные маркеры — особенно связанные с врождённым сильным иммунитетом, — автоматически зачислялись в Поток будущих жителей Стерильных городов.

Стерильные города. Элита из элит. Правительство быстро осознало, что в гонке с мутирующим вирусом им не угнаться. Но что, если постараться вырастить новое будущее из людей, которые биологически готовы к заразе? Из тех, кто способен противостоять хаосу, творящемуся вокруг? Эта государственная программа была запущена почти тридцать лет назад и уже приносила свои первые плоды.

Малышей, чей скрининг признавали годным, до поры до времени оставляли в семьях. Но родители были обязаны подписать страшный контракт: при достижении восемнадцати лет их ребёнок автоматически изымается, зачисляется в закрытый распределительный лагерь и переезжает в новые условия, чтобы формировать то самое идеальное общество. Взамен на эту жертву родители получали пожизненную государственную страховку и доступ к элитной медицине.

Алекс Моро подпадала под эту программу. И сегодня ей исполнилось восемнадцать.

Пора вставать.

Девушка умылась, завязала в тугой небрежный пучок свои густые тёмно-каштановые волосы, надела домашние брюки со старой футболкой и направилась на завтрак. Из кухни доносился умопомрачительный запах свежесваренного кофе и блинчиков. Всё именно так, как любила Алекс. А ещё оттуда доносилась гробовая, звенящая тишина. Для всех в этом доме сегодняшний день был особенно тяжёлым.

Алекс остановилась у самого порога, чтобы собраться с мыслями. Нельзя расстраивать родителей. Нельзя показывать, как сильно её сама бьёт мандраж от предстоящего переезда. Из кухни послышался глухой, испуганный шёпот Мириам:

— Гейл, это какое-то безумие... — в голосе матери чувствовалось дикое, звенящее напряжение.

— Мириам, мы это уже сто раз обсуждали, — устало отозвался отец. — Читали кучу официальных документов. Пожалуйста, рассуждай об этом как об отличном шансе на безопасное будущее нашей девочки.

— Я не вижу ничего хорошего в программе, которая заставляет меня навсегда отдать свою единственную дочь государству ради того, чтобы спасти своего мужа от вычеркивания из списков!

Да, Гейлу Моро через 2 года должно было стукнуть пятьдесят лет. Порог, который грозил их семье трагедией. В последнее время родители часто так шипели друг на друга, наивно думая, что Алекс ничего не слышит. Но в этот раз девушка не хотела развития семейной сцены.

— О чём спорите? — как ни в чём не бывало, натянув на лицо самую безмятежную улыбку, зашла девушка на кухню.

— Ни о чём! — хором и слишком быстро отчеканили родители.

Алекс хитро посмотрела на Мириам и Гейла. Врать они абсолютно не умели. Девушка спокойно подошла к плите, принялась накладывать себе завтрак и мягко, упрямо заговорила, пытаясь успокоить мать:

— Мам, ну мы ведь если не тысячу, то сотни раз это обсуждали. Папа прав. Я приобретаю сытое, чистое будущее, бесплатное образование и жильё, а вы получаете стабильную, безопасную старость со страховкой. Все в плюсе.

— Ох, девочка моя... Я бы всё приняла, если бы это был наш добровольный, осознанный выбор, — Мириам всплеснула руками, на её глазах заблестели слёзы. — И что это за дикое правило об отсутствии связи с родителями на время обучения в лагере? Зачем это всё? Но главное... Господи, Алекс! Тебе всего восемнадцать. Ты ведь лишаешься всего! Лишаешься возможности просто жить. Встретить какого-нибудь милого паренька со двора, влюбиться, наделать глупостей в конце концов! Это же дикость — выбирать спутника жизни только по цепочке ДНК, по сухим цифрам в компьютере!

— Мама, как обычно, верит во все теории заговоров которые доносятся ото всюду, — попытался разрядить обстановку отец, улыбнувшись.

Хотя Гейл переживал не меньше жены, он прекрасно понимал: сейчас нужно держаться изо всех сил ради дочери.

— Мам, ну послушай, — Алекс мягко перехватила ладонь матери и посмотрела ей прямо в глаза. — В этой рациональности нет ничего плохого. Ты же сама мне это часто говорила.

- Да, но у меня была возможность выбрать твоего отца...

- Мириам, ты не делаешь ситуацию легче. - спокойно оборвал поток мысль Гейл.

Наступила неловкая тишина. Алекс посмотрела на отца пытаясь найти спасение от этой семейно драмы. Она понимала маму, но так же осознавала, что слезами делу не поможешь. Наверное Алекс было легче смириться так как эту мысль ей внушали всю жизнь. В отличии от Мириам, которая помнила более свободный мир.

- Никто не заставит меня выходить замуж на следующий же день. Нам дадут достаточно большой срок на адаптацию, образование, мы сможем узнать друг друга. Мы сможем созваниваться и общаться с вами, как только я пройду этот фильтр и переселюсь на постоянное проживание в Стерильный город.

— Но я никогда больше не смогу тебя обнять! — разрыдалась Мириам, закрывая лицо фартуком. — Никогда не смогу поддержать на руках твоих будущих детей!

С этим аргументом семья так и не знала, как бороться. Жестокие правила требовали полной и безоговорочной изоляции иммунных детей от старого мира. Всё ради того, чтобы ценные носители ДНК не контактировали со штаммами вирусов за пределами защищённых лабораторий. Абсолютно всё в этой стране должно было оставаться подконтрольным. Девушка тяжело вздохнула и крепко обняла маму. Из глаз Мириам хлынули слёзы.

— Мам, ну тише... Это решение даст всем нам безопасность, — прошептала Алекс.

— Я знаю, милая, — сквозь всхлипы отозвалась мать, прижимая дочь к себе. — Но смириться с этим крайне сложно.

Сзади бесшумно подошёл отец и бережно обнял своих девочек. Ещё одно милое, тёплое домашнее воспоминание, которое Алекс унесёт с собой и запомнит очень надолго.

Семейную идиллию резко прервал звонок в дверь. Гейл вздрогнул и поспешил открыть её.

На пороге стоял молодой, улыбчивый человек в строгом чёрном костюме. В руках он уверенно держал дорогую кожаную папку, на которой красовался герб Стерильного города.

— Доброе утро! Подскажите, пожалуйста, мне нужна... — мужчина заглянул в свой официальный список кандидатов. — Александра Элизабет Моро?

— Это я, — коротко и твёрдо произнесла Алекс, делая шаг вперёд.

Мужчина в костюме мгновенно переключил на неё свой сияющий, профессиональный взгляд.

— Поздравляем вас с восемнадцатилетием! Я являюсь официальным представителем системы Стерильных городов. Хотел бы лично вручить вам прикрепительный лист к распределительному лагерю «Арка Фоедерус».

Он открыл папку и принялся ловко вытаскивать бумаги:

— Также от лица администрации лагеря мы передаём вам небольшой подарок в честь дня рождения и полный пакет документов для вас и ваших родителей. Здесь находится дубликат договора, подписанного в роддоме, а также ваш личный контракт. С ним необходимо внимательно ознакомиться до прибытия на точку сбора. Вот списки вещей, которые разрешено взять с собой. Но по опыту могу сказать: лагерь полностью берёт на себя все расходы по вашему обеспечению внутри периметра, так что не берите много. Здесь же выжимка из лагерного устава, чтобы вы могли подготовиться ко дню заезда и комфортно пересекли ворота. Ну и, конечно, самое главное — оригиналы контрактов для родителей и медицинская страховка, дающая им пожизненное обеспечение врачебной помощью.

Девушке передали массивную папку со всем вышеперечисленным, а также небольшой пакетик, в котором лежала ювелирная коробочка. Алекс приоткрыла крышку и увидела изящную золотую брошь — значок с логотипом лагеря «Арка Фоедерус».

— Спасибо, — со слегка натянутой, вежливой улыбкой произнесла Алекс.

Мужчина согласно кивнул и продолжил:

— Ближайший сбор новичков состоится ровно через неделю. У вас есть время, чтобы спокойно подготовиться и завершить все личные дела. Двадцать второго числа текущего месяца, ровно в девять утра, за вами приедет персональная машина с водителем. Вас с родителями отвезут на центральный автовокзал, где вас уже будут ждать лагерные автобусы, которые доставят вас на новое место жительства. Для администрации лагеря очень важно, чтобы вы добрались до места с максимальным комфортом. До встречи!

Отчеканив заготовленную приветственную речь, молодой человек поспешил удалиться, оставив после себя шлейф дорогого парфюма. Девушка тихо закрыла за ним тяжёлую дверь, провернула замок и повернулась к родителям. Мама больше не сдерживала эмоций — она беззвучно плакала, закрыв лицо руками. Отец бережно гладил её по спине, отчаянно пытаясь приободрить, хотя его собственные губы дрожали. Сегодня было пятнадцатое число. На календаре их прежней жизни осталась ровно неделя.

— У нас есть ещё целых семь дней, — Алекс подошла к ним и заставила себя уверенно улыбнуться. — Пойдёмте, нытики, завтракать, наконец-то.

С этими словами семейство Моро вернулось за кухонный стол — допивать свой утренний домашний кофе.

Глава 2

В доме семьи Кравиц с самого утра было достаточно шумно. Сегодня их младшая дочь официально переезжала жить в закрытую лагерную систему.

Шелли и Диксон искренне гордились своей девочкой, считая, что им на генетическом конвейере удалось вытянуть настоящий счастливый билет. Будучи весьма обеспеченной по меркам города семьей, они не нуждались в дополнительных государственных страховках для выживания. Отцу семейства перевалило за пятьдесят ещё три года назад, однако, будучи высококлассным инженером-энергетиком, Диксон занимал руководящий пост на центральной электростанции, которая бесперебойно обслуживала большую часть мегаполиса. Его жена Шелли ни в чём не отставала от супруга и преданно работала ведущим акушером-гинекологом в одном из крупнейших городских центров репродуктивного скрининга. Именно благодаря такому колоссальному карьерному успеху семья Кравиц могла себе позволить пойти на осознанный риск и завести двоих детей.

Старший сын, Рей Кравиц, который был старше сестры ровно на четыре года, сейчас как раз оканчивал строительный колледж. Эта приземлённая специальность изначально была выбрана для него прагматичными родителями, однако они всё же оставляли парню возможность в будущем самому выбирать, куда именно пойти учиться дальше, на высшее отделение. Молодой, рослый, плечистый блондин отличался крайне активным, упрямым характером. Этот молодой мужчина проживал сейчас свои лучшие, свободные годы. Но всячески не принимал позицию по поводу его сестренки.

Всю тоталитарную структуру Рей органически не переваривал и считал ДНК-отбор дикостью. Для него всё это сводилось к сухой, бездушной бюрократии, когда на медицинских Советах цинично обсуждалась судьба живых людей. Именно поэтому парня часто заставляли на несанкционированных уличных акциях в пользу борьбы за свободу выбора, за что Рея нередко приводила домой полиция. Родители закрывали на эти выходки глаза и молча платили огромные штрафы, искренне считая его борьбу за справедливость лишь временным возрастным бунтом и неоправданно дорогим хобби, пока сын прилежно учился в колледже.

Лине Кравиц исполнилось восемнадцать лет всего два месяца назад. Белокурая, хрупкая девчушка с безумно красивыми, чистыми голубыми глазами отличалась редкой кротостью характера и на удивление лёгким, добрым нравом. Она была безоговорочной любимицей своих строгих родителей и старшего брата. Лина являлась полной противоположностью своему бунтующему брату Рею. В этой семье она была тем самым послушным «золотым ребёнком», который был искренне готов преданно служить Системе.

В целом Лину с самого раннего детства методично воспитывали в мысли, что её главная жизненная цель и работа — это построить счастливую ячейку общества и родить крепких детишек. Она искренне не всегда понимала, чему именно её старший брат так яростно противится, ведь ДНК-брак был именно тем стабильным вариантом жизни, который её саму полностью устраивал. Девушка сейчас куда больше переживала о смене места жительства, но родители её всячески подбадривали, помогая застёгивать чемоданы.

Время на часах упрямо показывало 7:30 утра, и ровно через полтора часа за Линой должна будет приехать официальная лагерная машина Ведомства Надзора. Чемоданы и дорожные сумки были плотно собраны у порога, большой обеденный стол накрыт на их последний общий семейный завтрак, и Кравицы шумно суетились на уютной кухне, раскладывая пышные домашние блинчики по фарфоровым тарелкам.

— Лина, дорогая, ты точно всё необходимое положила? Ничего на полках не забыла? — в который раз за утро нервно интересовалась Шелли.

Хоть для неё этот праздничный день и являлся колоссальным поводом для материнской гордости за младшенькую, её руки сейчас заметно тряслись от сильного внутреннего напряжения. Хрупкая девушка робко, с лёгкой, смущённой улыбкой и нежным румянцем на лице посмотрела на маму.

— Да, мам, абсолютно всё собрала строго по лагерному списку. Не переживай ты так, пожалуйста.

— Любимая, прекрати, ради всего святого, так отчаянно скакать вокруг Лины, ей и так сейчас тревожно перед переездом, — очень спокойным, размеренным голосом попытался осадить супругу Диксон Кравиц, мягко успокаивая своих любимых девочек.

Не отрываясь от своего дела, глава семейства плавно открывал один за другим настенные кухонные ящички.

— Шелли, ты случайно не видела мою большую кружку?

Женщина одним ловким, отточенным за годы брака движением, открыла ближайший верхний шкаф и безошибочно достала оттуда заветный предмет. Всё так же любящим взглядом смотря на дочь, Шелли молча передала мужу кружку.

— Разлей, пожалуйста, на всех горячий кофе, дорогой.

— Кофе? А я-то наивно думал, что мы в такой знаменательный день с самого утра тракать будем исключительно коллекционным шампанским, — раздался сонный, ироничный голос Рея, который неторопливо спускался со второго этажа дома. — Как твои дела, сестрица?

Старший брат ободряюще, заговорщицки подмигнул Лине, всем своим видом давая девочке понять, что прямо сейчас он искренне готов поддержать её и сию минуту вытащить из этих маминых удушающих, тревожных объятий. Девушка благодарно, тепло улыбнулась брату и робко ответила:

— Лучше всех.

Её тихий голос прозвучал достаточно неуверенно, и в эту же секунду мать уже полностью переключила своё внимание на появившегося сына.

— Рей! Мы же тебя по-человечески просили встать сегодня вовремя! — недовольно забурчала мама.

— Так я и встал, — картинно показывая ладонями на самого себя, весело подметил парень. — И Лина, как видите, всё ещё здесь, дома, так что...

Шелли слегка прищурилась и оценочно, строгим взглядом врача осмотрела своего старшего ребёнка. Тот стоял перед ней в помятой чёрной футболке и тех самых джинсах, в которых она видела его ещё вчера днём. Сильно взъерошенные светлые волосы и глубокие тёмные синяки под глазами красноречиво говорили о том, что парень сегодня практически не спал, а несвежая одежда выдавала его с потрохами — Рей вернулся домой совсем недавно, под самое утро, и завалился спать в свою комнату прямо в вещах.

— Опять всю ночь где-то шляется со своими ненормальными активистами, — тяжело вздохнув, констатировала женщина.

В последнее время Шелли всё чаще с тревогой замечала, что её взрослый сын стал слишком регулярно пропадать на всяких подпольных вечерниках бастующих и запрещённых акциях протеста, но сейчас её мысли были полностью сосредоточены на любимой дочери, которая навсегда покидала отчий дом. Мать чётко решила для себя, что плотно займётся воспитанием бунтующего сына, как только её маленькая малышка благополучно обстроится и обживётся на новом месте в «Арка Фоедерус».

— Учти, Рей, вечно мы с отцом не собираемся оплачивать твои бесконечные штрафы.

— А этого больше и не требуется, — абсолютно спокойно, ровным голосом сказал парень, уверенно доставая себе чистую тарелку из сушилки. — Я нашёл работу.

Женщина внутренне напряглась от внезапного заявления сына, но так и не дала ему видимого повода для того, чтобы окончательно выбить её из родительского равновесия.

— И очень зря, Рей. Ты уже удосужился посмотреть те брошюры университетов, которые мы вчера передали тебе с отцом?

— Угу, — невнятно кивнул парень, аппетитно отправляя в рот один из горячих блинчиков прямо руками.

— И? — уточнила Шелли, стремительно теряя остатки терпения.

— И я иду на работу, — весело улыбнулся парень своей матери, сверкнув глазами.

Женщина демонстративно закатила глаза к потолку и устало, обречённо застонала. Шелли прекрасно понимала, что старший сын сейчас умышленно выводит её на бурные эмоции, но при этом она точно знала: парню кровь из носу необходимо закончить ВУЗ, чтобы закрепиться по жизни. Чтобы их утренняя перебранка прямо сейчас не переросла в грандиозный семейный скандал, на который у них физически не оставалось времени, она повернулась за молчаливой поддержкой к мужу.

— Сын, не доводи маму, и марш за стол, — всё так же спокойно, не повышая голоса, сказал Диксон, мирно стоя у кофейника.

Отец прекрасно знал, что парень, скорее всего, просто нагло издевается, либо же действительно нашёл себе какую-то мелкую строительную халтуру на дополнительные карманные расходы. Диксон также был твёрдо уверен, что сын уже выбрал для себя надёжную специальность в университете логистических связей. Но парень сознательно решил отложить это серьёзное заявление на потом, чтобы спокойно проводить сестру.

Шелли строго посмотрела на обоих мужчин, решительно схватила тяжёлые тарелки со свежими фруктами и блинами и молча, с гордым видом направилась в столовую. Лина Кравиц посмотрела на брата, на цыпочках подошла к нему вплотную и прошептала:

— Ты реально собрался идти на работу?

— Да нет, конечно. Но ты ведь сейчас уедешь, а мне с ними тут дальше как-то жить. Пусть будут в тонусе, — тихонько посмеялся Рей, легонько подтолкнув её плечом.

Лина не выдержала и весело хохотнула. Ей самой никогда в жизни не хватало девичьей смелости, чтобы идти на открытые, дерзкие конфронтации с авторитарными родителями, да и, по правде говоря, незачем ей это было. Зато она всегда с огромным удовольствием наблюдала за тем, как это виртуозно делал её старший брат.

— Все быстро за стол! — донёсся из соседней комнаты строгий крик Шелли, зазывающий домочадцев наконец-то начать этот прощальный завтрак.

Все трое поспешили поскорее пройти в просторную столовую. Сегодня здесь всё было накрыто по-особенному, торжественно. Из шкафа был бережно вытасчен их самый дорогой праздничный фарфоровый сервиз, а на столе красовалась безупречно белая хлопковая скатерть. Помимо пылающих жаром блинчиков, здесь были разложены сочные летние ягоды и фрукты, тончайшая нарезка сыров, колбас и хрустящие тосты. А в самом центре стояли те самые малиновые творожные розетки из нежного песочного теста, которые так безумно любила Лина. Было сразу видно, что мать семейства встала сегодня ни свет ни заря, чтобы сделать это прощальное утро по-настоящему особенным. Обычно, в силу своей тяжёлой и изнурительной работы в больнице, ей было попросту некогда так отчаянно стараться ради семейного уюта.

Мягким движением руки Шелли попросила всех занять свои законные места.

Как только все члены семьи Кравиц сели за стол, в комнате мгновенно наступила звенящая, гробовая тишина. Каждый из четырёх сидящих здесь людей отчётливо, до боли в груди понимал: завтрашнее утро в этом доме уже никогда не будет таким, как прежде.

Глава 3

Семейство Моро стояло на шумном перроне центрального автовокзала. Сегодня абсолютно все привычные гражданские загородные маршруты были принудительно отменены Администрацией, а весь огромный периметр вокруг здания — наглухо оцеплен. Сегодня здесь, выстроившись в ровные колонны, стояли исключительно серые автобусы Системы. Повсюду прохаживалась строгая военизированная охрана с автоматами наперевес и в тяжёлых бронежилетах. На каждой чёрной лычке формы отчётливо виднелось всего одно слово — «Вектор». В общем холле автовокзала испуганно толпилась огромная куча народу. Каждый из присутствующих в эту секунду был глубоко увлечён своими собственными тяжёлыми мыслями и заперт в своей персональной тревоге. То в одном, то в другом углу перрона тоскливо и безнадежно слышались приглушённые всхлипы уезжающих подростков и их несчастных, бессильных родителей.

Гейл Моро — тот самый человек, который всю жизнь был для своих нерушимой каменной стеной, защитой, — сейчас крупно дрожащими руками бережно вез за собой небольшой дорожный чемодан дочери, испуганными, растерянными глазами глядя на всю эту вооружённую толпу. Его жена Мириам беззвучно утирала ладонью горькие слёзы, которые сами собой непрерывно текли из её глаз всю прошедшую неделю. Алекс...

Алекс Моро просто стояла неподвижно рядом и молча наблюдала за происходящим со стороны. Ей казалось, будто прямо сейчас на её глазах безжалостно рушится весь привычный старый мир, а ей самой в нём больше нет места. Она ещё никогда в своей жизни не видела столько концентрированного человеческого горя, и уж точно никогда в жизни не видела своих сильных родителей настолько раздавленными и сломленными. Но сейчас, сжимая пальцы, она даже близко не знала, что именно нужно сказать, чтобы хоть немного успокоить их. Ей самой в эту минуту остро бы не помешала посторонняя помощь, чтобы унять ту дикую, удушающую панику, которая стремительно нарастала у неё в груди. Но Александра очень хотела держаться молодцом, чтобы до последнего подбадривать отца и мать. Губы предательски дрожали, руки мелко тряслись, но девушка изо всех сил пыталась натянуть на лицо фальшивую маску хладнокровного героя.

— Давайте думать об этом так, как мы изначально и договаривались. Это всё равно, как если бы я просто уехала учиться в университет на другой конец страны. Мы ведь не прощаемся навсегда. Как только я благополучно пройду первичную лагерную адаптацию в «Арка Фоедерус», кураторы сразу разрешат мне связываться с вами по терминалу. И всё у нас будет хорошо, — уже который раз за утро, как спасительную мантру, вслух повторила для всех Алекс.

Мама послушно кивнула и на секунду резко отвернулась к оцеплению, чтобы попытаться взять себя в руки и в очередной раз утереть набежавшие слёзы. Папа тяжело, шумно вздохнул и сделал шаг вперёд, вплотную подошел к дочери, чтобы в крепко её обнять.

— Прости нас, детка. Стараемся, как можем.

Как же чертовски больно и остро эти тихие слова отца резанули по натянутым нервам Алекс! Но внутренний голос требовал держаться до конца.

— Вот и нечего тут раскисать. Мам?

Девушка плавно повернулась, чтобы проверить, в каком состоянии родительница, и мягким движением руки позвала её к себе. Мириам сразу же ринулась вперёд, намертво утыкаясь в плечо дочери. Так, крепко прижавшись друг к другу, вся семья Моро безмолвно простояла ещё пару долгих минут, но неизбежность давила на них сверху. Как только Алекс Моро аккуратно отпрянула от родителей, она увидела то, что окончательно убило её наповал.

Из глаз сильного, мужественного отца крупными каплями потекли беззвучные слёзы. Мама больше физически не сдерживалась, её плечи мелко трясло от рыданий. Алекс судорожно

рожно сглотнула застрявший в горле ледяной комок и ненароком испуганно подумала: а точно ли их можно вот так оставлять здесь, совсем одних? Но Гейл не дал дочери времени на долгие рассуждения. Он нежно, по-отцовски поцеловал Алекс в лоб и тихонько, прямо на ухо прошептал ей:

— Мы тебя очень сильно любим, Александра. Мы всегда будем ждать.

Алекс лишь едва слышно, тихонько ответила:

— Я вас тоже очень люблю...

Откуда-то сверху, под самым потолком оцепленного автовокзала, внезапно послышался глухой, хриплый голос из рупора. Металлический динамик прочеканил сухое системное объявление:

— Внимание. Началась посадка в автобусы, номера которых выведены на центральное электронное табло. Прошу незамедлительно пройти к назначенным посадочным боксам тех подопечных, чьи номера в базе совпадают с номером, указанным в вашем распределительном листе.

По огромному залу автовокзала мгновенно прокатилась новая, мощная волна испуганных и встревоженных голосов. Они иступлённо раздавались отовсюду, заполняя всё пространство. Несчастные родители принялись обнимать своих детей в самый последний раз. Паника в холле нарастала с каждой секундой. Алекс крупно дрожащими руками достала из кармана свой примятый распределительный лист. Быстро пробежавшись глазами по яркому электронному табло, Александра с тихим ужасом увидела там свой номер. Время для неё словно полностью остановилось. В ушах оглушительно, больно гудело собственное сердцебиение, и, казалось, прошла целая вечность перед тем, как она снова смогла сфокусировать взгляд на лицах своих родителей. По внезапно побледневшему, застывшему лицу Алекс, Гейл и Мириам без слов моментально поняли: ей пора. Родители снова крепко, прижали её к себе и судорожно поцеловали в лоб. Они физически никак не хотели отпускать её из этих отчаянных объятий в руки Системы.

Через пару мгновений к ним вплотную подошёл рослый мужчина в строгой чёрной форме «Вектора». Его холодный взгляд беззвучно и безошибочно определял в толпе тех самых напуганных подростков, которых рупоры только что позвали на перрон.

— Прошу прощения, но ваше время истекло. Девушке пора на посадку, — мертво-спокойно произнёс он.

Алекс лишь коротко кивнула конвоиру, показав мужчине, что ей нужно буквально пару секунд, и она безропотно пойдёт в назначенное место. Александра плавно повернулась к отцу и матери и с натянутой улыбкой на лице сказала:

— Всё обязательно будет хорошо, слышите? Через год я вам позвоню по терминалу, плюс Мед-Корп будет регулярно высылать вам официальные письма о моём продвижении и успешной интеграции в систему. Нам нужно просто стиснуть зубы и перетерпеть этот первый год, и тогда мы сможем снова друг друга видеть и общаться. Обещайте мне, пожалуйста, что вы со всем этим справитесь без меня?

Родители тяжело переглянулись между собой и из последних сил постарались ответить ей точно такой же тёплой, ободряющей улыбкой. Они кивнули дочери, в самый последний раз крепко обнялись, и после этого девушка послушно проследовала туда, куда ей строго указывал рукой мужчина в чёрной форме. В самый последний раз оглянувшись назад у самого выхода, Алекс увидела, как её отец и мать крепко обнимают друг друга за плечи и больше не сдерживают рвущихся наружу эмоций. Горькие, надрывные всхлипы мамы она теперь запомнит на всю свою оставшуюся жизнь.

Девушка медленно подошла к нужному серому автобусу, молча показала контролирующему офицеру свой распределительный лист и поднялась по ступенькам в салон. Здесь, на дешёвых сиденьях, уже плотно сидели её ровесники, и практически все они были мерт-

венно-бледными, застывшими и дико напуганными. Алекс тихо присела на первое попавшееся свободное место у окна, и спустя пару томительных минут тяжёлый автобус начал своё движение.

Машина медленно принялась выворачивать за пределы оцепленного автовокзала, неторопливо проезжая мимо огромной, колышущейся толпы отчаявшихся, плачущих родителей. Путь к уезжающим автобусам живым щитом преграждали шеренги мужчин в чёрном, удерживая родственников на безопасном расстоянии. Девушка судорожно искала глазами своих родителей в этой безликой массе людей, но так и не смогла их найти, лишь слепо надеясь, что они-то её в этом окне точно успели разглядеть. Проехав несколько метров и окончательно потеряв из виду автовокзал, Александра Моро наконец-то больше не смогла сдерживаться, дала полную, безудержную волю своим истинным чувствам и, уткнувшись лицом в ладони, громко разрыдалась прямо в автобусе.

Дорога до первого лагерного КПП заняла около полутора часов. Здесь, посреди лесной глуши, хмуро высились массивные ворота буферной зоны. Сразу за ними начинался большой, совершенно глухой лес и бескрайние, пустынные поля. Всё вокруг выглядело так, будто на пару километров в округе не было и живой души — только дикая, нетронутая природа. Еще минут через двадцать показался второй, гораздо более строгий КПП. Здесь уже раскинулась колоссальная, залитая асфальтом парковка, и десятки серых лагерных автобусов плотной очередью стояли на въезд. Эта очередь быстро и слаженно двигалась вперёд, конвейером высаживая новобранцев прямо у ворот.

Как только автобус, в котором ехала Алекс, с шипением тормозов остановился, всех бывших подростков организовано проводили в длинный, холодный коридор, который вел прямоком в распределительный накопительный бокс. Каждую такую прибывшую машину на пятьдесят человек поочередно загоняли в строго отведённые зоны, где ребят уже ждал на инструктаж один из местных лагерных врачей.

Мужчина в идеально чистом белом халате уверенно встал на небольшую металлическую платформу, молча оглядел притихшую толпу и достаточно громко, поставленным голосом начал говорить:

— Прошу минутку внимания, молодые люди. Я прекрасно понимаю, что сегодняшний день для вас эмоционально тяжёлый, но вам жизненно необходимо сейчас это выслушать.

Как только робкие переговоры между напуганными ребятами окончательно прекратились и лагерный доктор полностью завладел их испуганным вниманием, он монотонно продолжил:

— Перед тем как официально начнётся торжественная часть, всем вам нужно в обязательном порядке пройти через плановые первичные замеры. Сейчас вас поочередно будут вызывать по фамильному списку ко мне в кабинет, где я буду делать вам первый, контрольный забор крови на заезд. Он необходим для медицинской проверки и занесения вашего профиля в общую цифровую систему лагерной базы. Сразу после забора вам будут выданы электронные ключи от ваших жилых блоков и персональных комнат. Все ваши личные вещи и чемоданы будут доставлены туда кураторами только после обязательной проверки на предмет наличия запрещённых Системой вещей. Если какие-либо запрещённые предметы будут обнаружены в ваших сумках, они будут немедленно изъяты и уничтожены. Прошу вас заранее: не нужно ходить на КПП и слёзно просить комендантов их вернуть, согласно регламенту мы физически не можем ничего возвращать подопечным. Выйдя из моего кабинета, вы попадёте на внутреннюю охраняемую территорию лагеря. Беспрекословно слушайте всех работников «Вектора». Офицеры лично сопровождают вас на центральный плац. Там вы получите все дальнейшие указания.

Сухой голос мужчины зачитывал эту строгую речь абсолютно наизусть, и по его равнодушному лицу было отчётливо понятно, что он методично повторяет её сегодня далеко не

первый раз. Доктор равнодушно сошёл с платформы, и на его место тут же поднялся один из вооружённых офицеров «Вектора», который металлическим голосом начал вызывать испуганных подростков по очереди. Спустя десять томительных минут послышалось:

— Александра Элизабет Моро.

Девушка, вздрогнув, медленно начала своё движение по направлению к стерильному кабинету. Пальцы рук мгновенно похолодели от страха. Зайдя в небольшое, пахнущее спиртом помещение, она наткнулась на безмолвный взгляд врача, который коротким жестом пригласил её присесть на металлический стул и приказал задрать рукав кофты. Алекс послушно, затаив дыхание, протянула руку, и через минуту процедура была полностью закончена. Так же, не проронив больше ни единого слова, мужчина сухо указал ей пальцем на противоположную тяжёлую дверь, ведущую прямо к внутреннему периметру сектора, и хладнокровно нажал на кнопку сигнала, чтобы пригласить следующего по списку. Алекс неуверенно сделала шаг вперёд и прошла в открывшуюся дверь.

Сразу за порогом, перекрывая проход, стоял рослый мужчина с автоматом наперевес и в полной амуниции «Вектора», который глухо, сквозь тёмное стекло защитного шлема проинструктировал её:

— Сейчас выходите из здания и садитесь в любой серый автобус на площади, где увидите свободное место.

— В автобус?.. — Александра растерянно замерла, сжимая кулаки. — Но мы же только что приехали... Куда нас?..

— Идите, — безжалостно оборвал её автоматчик.

Алекс не стала больше спорить с конвоиром и послушно вышла на улицу. Здесь, перед распределительным боксом, всюду кипело большое, организованное скопление людей в строгой чёрной форме и вновь прибывших напуганных подростков. Мужчины из «Вектора» помогали быстрее загрузить новобранцев в автобусы, и, как только салоны под завязку набивались людьми, они коротким взмахом руки давали чёткие указания водителям немедленно отправляться вглубь периметра. Девушка робко подошла к колышущейся толпе, и её практически сразу же грубовато подозвали в один из ближайших автобусов.

Наконец, спустя пятнадцать минут медленного пути, за окнами показалась по-настоящему красивая, ухоженная площадь с большим бюстом фонтаном посередине и аккуратными насаждениями молодых сосен по всему периметру. По самому центру площади величественно возвышалось монументальное административное двухэтажное здание из тёмного камня. Прямо перед его парадным входом отчётливо виднелась небольшая сцена, на которой была установлена строгая лекторская тумба, а массивным задником ей служило тяжёлое полотно с официальным вышитым знаком лагеря. Здесь, на центральном плацу «Арка Фоедерус», конвейером высаживали абсолютно всех новобранцев потока и плотными шеренгами собирали прямо перед сценой. Алекс Моро испуганно обвела глазами толпу и по своим примерным меркам предположила, что на площади сейчас находится не менее трёхсот человек. Только в эту секунду внутри неё наконец-то в полную силу заиграл пугающий, колоссальный масштаб всей ситуации. Алекс ненароком, с робкой надеждой подумала, что где-то там, среди этой огромной безликой толпы, возможно, прямо сейчас стоит точно такой же напуганный молодой человек, который по воле Системы вскоре станет её официальным ДНК-зеркалом. Понадобилось ещё около двадцати минут, пока на площадь шумно не подкатил последний автобус.

Как только конвой окончательно выгрузил из салона оставшихся ребят, на деревянную сцену размеренным, тяжёлым шагом вышел статный мужчина в идеально отутюженном военном синем кителе. Александра Моро стояла достаточно близко к трибуне, чтобы во всех деталях рассмотреть появившегося лидера. Он был высоким, подтянутым, с безупречной осанкой и крепким, рельефно накачанным телом. Его густые каштановые волосы были строго и

аккуратно уложены волосок к волоску, а тёмная борода — ювелирно подстрижена. На груди кителя весомо виднелись государственные знаки отличия, а на широком лацкане ярко красовался металлический значок — точно такой же, какой ей совсем недавно подарили на совершеннолетие от имени Администрации лагеря. Тяжёлые карие глаза мужчины безмолвно, леденящим взглядом обежали застывшую в страхе толпу и открыл свою массивную папку.

— Добро пожаловать в «Арка Фоедерус»! — мужчина на сцене сделал весомую паузу, властно дав толпе понять, что прямо сейчас нужно повернуться и слушать только его. Его глубокий голос звуком из мощных динамиков разносился над плацу грозно, раскатисто и чётко. — Я — Директор лагеря и Куратор по общей безопасности этого сектора, Кристофер Бранн! Вы все прибыли под моё личное попечение для последующей обязательной интеграции и распределения в элитарные Стерильные города нашей страны. От лица Высшего Совета я искренне благодарю вас за ту жертву, которую признали вы и ваши родители, чтобы совместными усилиями сформировать чистое будущее нашего государства. Ежегодно общая смертность населения вне лагерной системы, неумолимо возрастает. Это тот суровый факт, с которым борется весь цивилизованный мир вот уже тридцать долгих лет. Наша страна на общем фоне показывает отличные, передовые результаты по государственной системе ДНК-зеркал. И всё это — исключительно благодаря вам. С каждым из вас мы планомерно формируем новое будущее. Каждый год из стен данного лагеря успешно выходят более семидесяти идеальных пар, и, возможно, кто-то из вас найдёт здесь своё генетическое зеркало достаточно быстро, но, как наглядно показывает многолетняя практика, для этого всё же требуется определённое время. Наберитесь терпения, беспрекословно слушайте своих кураторов и местный медицинский персонал, и я лично обещаю, что ваше пребывание здесь будет максимально комфортным.

Директор Бранн на секунду прервался, поправив лацкан синего кителя:

— У каждого из вас в комнатах уже будет лежать расширенный печатный устав лагеря. Ознакомьтесь с ним сегодня же, запомните, если потребуется — заучите наизусть. Но живите строго по правилам этого места, чтобы мне в будущем ни в коем случае не пришлось вызывать Вас к себе в кабинет на личную беседу. Поверьте, вам это совершенно ни к чему. С этой самой минуты официально начинается ваша взрослая, самостоятельная жизнь без мам и пап.

Мужчина ещё раз медленно, леденящим карим взглядом провёл по притихшей, испуганной толпе перваков, чтобы окончательно удостовериться, что его слова были услышаны каждым. Затем он хладнокровно продолжил:

— Сегодня был тяжёлый, эмоциональный день для всех нас. И я думаю, мы все прекрасно справились с тем, чтобы заслужить полноценный отдых. На контрольно-пропускном пункте вам были выданы электронные ключи с номерами ваших корпусов, блоков и комнат. Все жилые улицы лагеря находятся сразу за этим административным зданием. Сейчас вас строго по номерам новых домов загрузят по автобусам и развезут по местам. На этом ваше приключение на сегодня будет полностью закончено. В течение этой недели кураторы централизованно вернут вам ваши проверенные чемоданы, ну а пока у каждого в комнате уже заранее выделены все самые нужные вещи первой необходимости. Сменная лагерная одежда, чистое постельное бельё, предметы личной гигиены — всё это уже ждёт вас на кроватях. С завтрашнего дня в небольших группах начнутся организационные занятия, где кураторы подробно ответят на все ваши вопросы. На сегодня это всё. Все свободны!

Директор Кристофер Бранн с сухим стуком закрыл свою папку и размеренным шагом покинул деревянную сцену. В ту же секунду вся огромная толпа на плацу шумно зашевелилась. Алекс Моро растерянно опустила глаза и взглянула на зажатый в ладони холодный ключ, на пластиковой стороне которого было выбито: «Корпус 3, женский блок 2, комната 2». Это лагерное клеймо теперь официально стало её единственным законным адресом на ближайшие годы.

Глава 4

Прошла неделя. Все документальные процессы наконец-то завершились, комнаты были заняты, а первые анализы — сданы. Можно было слегка выдохнуть и начать обживать.

Алекс сидела на кровати, изучая каждую деталь своего нового пристанища. Оно ни капли не напоминало её тёплую, уютную комнату в родительском доме. Здесь царил строгий минимализм. Из мебели — только самое необходимое: односпальная кровать, тумбочка, мягкое кресло и письменный стол из светлого дерева с ноутбуком. Компьютер выделили для учёбы, но доступ в сеть жестко ограничили — открывались лишь сайты, одобренные Высшим советом. В основном это были внутренние лагерные платформы, электронная библиотека и новостные порталы. В углу высился шкаф. Половину его полок занимали ровные стопки обязательной формы: блузки, брюки и пара вариантов тёплой одежды с ботинками. По уставу в этой форме надлежало появляться во всех общественных местах, но внутри блока ребятам разрешали носить свободную одежду. Остальные полки пока пустовали — они предназначались для тех немногих личных вещей, что привезли с собой заселившиеся из-за периметра. Несколько светильников давали ровный свет, но уюта не добавляли. Комнаты блока вообще не имели окон и больше походили на тесные каморки.

Они разительно контрастировали с просторной кухней-гостиной. Там красовалось огромное панорамное окно, которое в дневное время заливало всё помещение ярким светом. Небольшая кухонная зона, растянувшаяся во всю ширину стены, была обустроена с подчеркнутым комфортом: электрический чайник, красивый фарфоровый сервиз, чайная станция с разнообразными сортами чая и печенье, запасы которого обновляли каждую неделю. У противоположной стены расположился глубокий мягкий диван с большими плюшевыми подушками и теплыми пледами. Уютную картину дополняли красивый ковер, обеденный стол и удобные стулья. Всего в блоке было три личные комнаты, общая гостиная и ванная. Алекс заселили с ещё двумя «первачками».

Майя и Лина были абсолютно разными. Волевая Майя Хардинг, казалось, восприняла переезд максимально хладнокровно. Она вообще редко проявляла хоть какие-то эмоции. Заселившись, Майя сразу же углубилась в изучение устава и в первый день практически не покидала свою каморку. При первом знакомстве она показалась Алекс грубоватой, но, попив с ней чай пару вечеров, та поняла: так Майя справляется со стрессом. Резко сорвать пластырь и сразу принять новые жесткие правила — это было полностью в её стиле.

Лина Кравиц же, напротив, сильно беспокоила соседок. За всю прошедшую неделю не выдалось ни одного вечера, когда девочки не слышали бы тихий плач, доносившийся из её комнаты. Хрупкая и жутко воспитанная, Лина никогда не показывала своих истинных чувств при соседках — она всегда послушно поддерживала разговор и мило улыбалась. Девушка явно не хотела никого обременять, хотя и Алекс, и Майя прекрасно понимали, что у неё на душе. Ведь в этом лагере они все оказались в одинаковом положении.

Сегодняшний день был последним, отведённым на обживание, — уже с завтрашнего утра все «перваки» приступали к обязательным занятиям. Первые полгода программа состояла из общих предметов, похожих на школьные, чтобы подтянуть знания всех прибывших к единому стандарту. Затем подросткам предстояло пройти тесты на выявление качеств для будущей профессии, и только после этого начиналось распределение по факультетам.

Лагерники редко выбирали направление учёбы самостоятельно. Существовал строго выверенный список профессий, необходимых в стерильных городах, который к тому же разделялся по гендерному признаку. Мужчинам пророчили карьеру управленцев, и спектр возможностей у них был огромным. У девушек выбор оказывался куда более скудным, ведь их главной «профессией» в этом мире считалось материнство. Тем не менее им тоже позволяли

получить профильное образование, делая основной уклон на медицину: общее врачебное дело или педиатрию. Иногда девушкам разрешали учиться на младших сотрудников лабораторий, но лишь при условии, что их будущая работа не будет связана со сложными исследованиями и опасными опытами. Впрочем, высшее образование для женщин оставалось делом сугубо добровольным, а не обязанностью.

Девушки накрыли на стол и теперь лениво обсуждали предстоящую учёбу.

— Опять математика, химия и бла-бла-бла... Только-только получили школьные аттестаты, и вот снова всё по кругу, — вздохнула Майя, меланхолично размешивая сахар в чашке.

— Ты зазубрила весь устав лагеря за одни сутки, а теперь тебя напрягают обычные школьные предметы? — улыбнулась Алекс, сделав глоток ароматного чая.

— Скучно и бесполезно, — отрезала Майя. — Нас сюда пригнали, чтобы выдать замуж, так что вся эта учёба — чистой воды медвежья услуга.

От этих резких слов Лина, сидевшая до этого тише воды, внезапно подавилась чаем и закашлялась. Она всё ещё не могла привыкнуть к лобовой прямолинейности своей соседки.

— П-простите, — прокашлявшись, смущённо произнесла самая хрупкая из девчонок. — А я вот... я люблю учиться. И очень надеюсь получить здесь медицинское образование, как моя мама. Она работает в перинатальном центре, проводит скрининги. А папа инженер. Вот.

— О-о-о, денежно! Поздравляю, — с уважением протянула Майя. — Мои предки в разводе, так они даже не смогли между собой договориться: прятать меня или сдать сюда. Эти рассуждения всё равно ни на что бы не повлияли, но им нужно было обязательно устроить скандал. Поэтому мама в итоге просто решила свинтить.

— Сочувствую тебе, — с искренней скорбью ответила Лина, но Майя лишь вопросительно посмотрела на неё, явно не понимая, зачем её жалеть.

Алекс слегка улыбнулась и решила поддержать разговор:

- Лина, ты вроде говорила, что у тебя еще есть старший брат?

- Да — улыбнулась девушка.

Ей явно нравилось вспоминать о нем.

- Он сейчас будет поступать на высшее. Правда с его характером мало представляю, что он надолго там задержится. Он у меня умный, но слишком любит все делать по своему. Не любит рамки.

- Симпатичный? — хитро уточнила Майя.

Лина залилась краской. Девчонки заулыбались. Наглая соседка восприняла такую реакцию, как положительный ответ и переключилась на Алекс.

- Ну а ты? Какая у тебя семья?

Алекс взяла в руки горячую кружку чая и сжала ее, чтоб согреть руки. Сейчас она еще не верила, что возможно там в толпе она их видела последний раз.

— Мои родители самые среднестатистические. Без крутых профессий и громких скандалов. Растили и любили меня, пока могли это делать. Уже скучаю по ним.

Все трое притихли, на минуту погрузившись в собственные мысли. Только сейчас для всех новоприбывших начало доходить, насколько сильно их оторвали от их семьи, и что это не на неделю, месяц или год. Всю оставшуюся жизнь они будут их видеть только по видео звонкам. Но как только девушки заметили, что глаза Лины снова начали наливаться слезами, Майя тут же прервала опасное молчание:

— Так, ну-ка все собрались! С завтрашнего дня — никаких соплей. У нас новая жизнь, и, между прочим, лакшери, как и обещали. В уставе, если по сути, написано: будешь прилежной девочкой — будешь жить счастливо.

— Ты зазубрила весь устав и вытащила оттуда только это? — снова поддёрнула её Алекс. — Слишком краткое эссе, не находишь?

— Зато максимально ёмкое, — скривила забавную рожицу Майя.

Девчонки переглянулись и дружно рассмеялись. В конце концов, если относиться ко всей этой ситуации слишком серьезно, можно было легко сойти с ума. А так — они в тепле, сытости, безопасности и с чётким планом на будущее. Далеко не все в нынешнем мире могли себе такое позволить.

Тёплые посиделки прервал резкий, сухой стук в дверь.

— Алекс Моро? — бесстрастно спросил мужчина в чёрной форме силовика, едва дверь приоткрылась.

Алекс робко кивнула, и её сердце бешено заколотилось. Никто из новеньких ещё не успел привыкнуть к местной суровой охране «Вектора».

— Вас вызывает директор.

Алекс остолбенела. Она растерянно обернулась на соседок, но, как и следовало ожидать, подсказки на их лицах не обнаружила.

— Простите, а по какому поводу? — тихо уточнила она.

— Мне этого не докладывали, приказали привести вас, — отчеканил мужчина.

На секунду Александру захлестнул страх, но она заставила себя подавить панику.

— Мне нужно пару минут, чтобы переодеться, и я выйду.

— Хорошо, ожидаю. — Охранник отступил на пару шагов назад и встал у противоположной стены коридора.

Девушка закрыла дверь и молча прошла в свою каморку. Мысли бешено скакали, по телу бежала лёгкая дрожь. Наконец, застегнув последнюю пуговицу лагерной блузки, Алекс вышла в гостиную и сразу вылетела из блока. Ей не хотелось поймать на себе вопросительные и испуганные взгляды девчонок — только лишней тревоги перед встречей с директором ей сейчас не хватало.

Глава 5

Алекс стояла напротив двери кабинета и всё никак не решалась войти. На ней была надета местная женская форма: голубая блузка, туго застёгнутая у ворота, слегка впивалась в шею. Тёмно-серые брюки палаццо, наоборот, давали полную свободу в движении. Тёмно-каштановые густые волосы были собраны в строгий низкий пучок, как того требовал устав лагеря. Вызов к главе безопасности на первой же неделе проживания не сулил ничего хорошего. А может, этот мандраж был вызван обычными школьными воспоминаниями? Ведь к директору приглашали в основном тогда, когда ты крупно накосячил. Только здесь ставки были явно повыше. Да и она уже давно не ребёнок.

Девушка встряхнула кисти рук, поправила осанку, подняла кулак и строго постучала. С той стороны двери послышался мягкий, бархатный мужской тембр:

— Войдите.

Алекс приоткрыла тяжёлую дверь и прошла в кабинет. Утреннее солнце проникало сквозь панорамное окно, заливая светом всё пространство. Стены были выполнены в тёплых бежевых тонах с благородными деревянными панелями. Почти по всему периметру растянулись стеллажи с папками и книгами. У дальней стены стоял кожаный диванчик. Сильно помятый. Очевидно, владелец кабинета часто задерживался допоздна и засыпал прямо на нём. Посреди этой большой комнаты стоял массивный дубовый стол, а за ним восседал мужчина тридцати-тридцати пяти лет, одетый в строгий темно-синий китель. Высокий, кареглазый брюнет с ухоженной, хорошо обрамлённой бородой выглядел невероятно статно. Военная подготовка и дисциплина читались в каждом движении его тела. Девушка помнила его по приветственной речи, когда их поток только прибыл в лагерь. Тогда он показался ей достаточно строгим. Не отвлекаясь от подписывания каких-то документов, мужчина ленивым жестом пригласил Алекс присесть на стул напротив.

— Алекс Моро? — протянул он, наконец заканчивая возиться с бумагами.

— Да, — робко, но достаточно громко произнесла девушка.

Наконец куратор оторвался от стола и посмотрел на неё. Сразу поняв, как сильно она переживает, он тепло и мягко улыбнулся:

— Не переживай ты так. Помнишь, как меня зовут? Я представлялся на общем построении.

«Чёрт! Я совсем не помню!» — Алекс внутренне запаниковала. Как можно было зайти в кабинет и даже табличку на двери не прочитать?

Мужчина негромко усмехнулся, заметив её замешательство:

— Кристофер Бранн, глава безопасности и директор лагеря «Арка Фоедерус». Мужчина протянул ей руку через стол для приветствия, и Алекс кротко ответила на рукопожатие. Её всё ещё мучил единственный вопрос: зачем её вызвали?

— Прости. Чтобы начать разговор, мы должны дождаться ещё пару человек. Но не переживай, ничего критического, я обещаю, — мягко произнёс Бранн.

В этот самый момент за дверью послышались громкие голоса, и ещё через секунду она распахнулась настежь.

В кабинет буквально ввалились двое мужчин, на вид ровесники куратора. Один из них был одет в белый медицинский халат. В руках он судорожно сжимал какие-то папки и выглядел явно встревоженным. Гладко выбритый, худой, высокий, кудрявый и в очках — он был максимально типичным представителем «умников» из научных отделов.

Второй же — русский, голубоглазый, с лёгкой щетиной накачанный паренек в потрёпанном светло-синем костюме-двойке и небрежно заправленной рубашке — точно был лагерником. Хотя по возрасту он явно перерос местный контингент.

— Джек, нужно стучать! — зашипел ему в ухо мужчина в халате, но его собеседник не обратил на ворчание никакого внимания.

С улыбкой абсолютного победителя он открыто смотрел в сторону замершей Алекс.

— Да, Джек, нужно стучать, — уже более чётко повторил куратор Бранн, хотя по его реакции было видно, что выходка гостя его ничуть не удивила.

Алекс сидела в полном недоумении, абсолютно не понимая, что здесь происходит. Прямой, оценивающий взгляд этого наглого парня её слегка пугал. Глава лагеря жестом пригласил вошедшего присесть на второй стул рядом с Алекс. Тот незамедлительно занял место и тут же вальяжно протянул девушке ладонь:

— Приятно познакомиться, мадемуазель.

Глава лагеря и учёный одновременно закатили глаза. Алекс робко протянула ему кончики пальцев в ответ. Её взгляд панически переключался от Бранна к мужчине в халате, ища хоть какие-то ответы.

— Алекс, познакомься, — прервал тишину Бранн. — Это Генри Астор, сотрудник генетического отдела.

Девушка вежливо кивнула учёному, и тот ответил ей сдержанным кивком.

— А это... тот, из-за кого мы все здесь сегодня собрались. Джек Портер.

Девушка повернулась и кивнула ему, но парень продолжал так странно и широко улыбаться, что Алекс на секунду подумала, не случилось ли у него инсульт.

— Прости его, он у нас слегка дурачок, — с усмешкой подметил Бранн.

Тут уже закатил глаза Генри и укоризненно посмотрел на куратора. Алекс по этим мимолётным жестам окончательно поняла, что все трое мужчин общаются очень близко и знают друг друга уже очень давно.

— Бранн, то есть вот это... — Джек сделал небрежное круговое движение пальцем в сторону Алекс и снова цинично усмехнулся. — Она же мелкая.

Бранн и Генри легонько улыбнулись, стараясь сохранять невозмутимый вид. Бурная реакция Портера была для них абсолютно понятна.

— Ты сидишь в лагере уже одиннадцать лет, Джек. Естественно, вряд ли здесь нашлась бы твоя ровесница, — мягко парировал куратор. — Как будто ты сам не понимаешь, как работает протокол отзеркаливания ДНК.

— Простите... — робко прервала их Алекс. Её явно забыли посвятить в детали. — А что, собственно, здесь происходит?

Разговор мягко перехватил Генри:

— Мисс Моро, я знаю, что вы только начали обустраиваться на новом месте. Но согласно медицинскому регламенту, на КПП при въезде у вас взяли контрольную пробу крови. Это необходимо для проверки наличия ДНК-пары среди уже присутствующих в лагере подопечных. И ваш генетический код показал девяносто шестипроцентный результат совпадения с кодом...

— Генри, попроще, девушка и так в панике, — мягко попросил Бранн.

— Да, Генри, попроще, — ядовито передразнил его Джек.

Мужчина в халате запнулся и посмотрел на Алекс. Его тёмные зеленые глаза за стёклами очков пытались успокоить девушку. Они выглядели очень добрыми и тёплыми.

— Мисс Моро... Мистер Портер — ваше «зеркало». Он ваша официальная ДНК-пара.

Наступила неловкая, звенящая тишина. Алекс давали время переварить эту новость.

— Погодите... — наконец, выходя из оцепенения, зашептала Алекс. — Нет, нет, нет.

Девушка отчаянно пыталась собраться с мыслями. Джек перестал ухмыляться и просто уставился в потолок с видом победителя. Он точно ожидал именно такой реакции.

— Алекс, мы прекрасно понимаем, что всё это слишком внезапно, но... — начал Бранн.

— Нет! Погодите... Простите! — Алекс глубоко вдохнула. Только в эту секунду она с ужасом поняла, что бесцеремонно перебила и заткнула самого Директора лагеря. Сделав ещё один судорожный вдох, девушка продолжила:

— А как же год на адаптацию? Образование? В моём контракте чётко прописано, что в лагере мы живём от двух лет и более, до тридцати лет, с гарантией последующей интеграции в общество Стерильного города!

— И мы у вас этого не отнимаем, — принялся успокаивать её Бранн, удерживая мягкую маску наставника. — Но текущая ситуация требует некоторых экстренных корректировок.

Мужчина сделал весомую паузу, чтобы убедиться, что испуганная девушка готова слушать дальше. Затем он повернул голову к учёному:

— Генри, будь добр, продолжи.

— Джек — наш застрявший холостяк. Его генетический код не мог найти идеальное совпадение целых одиннадцать лет, — вздохнул Генри. — Его редкие маркеры в цепочке ДНК критически важны для понимания иммунной защиты от новых штаммов вирусов. Однако существует правило репродуктивного возраста: потомство должно быть максимально здоровым. Именно поэтому в системе установлен порог в тридцать лет. Сейчас Джеку двадцать девять, и он самый долгий житель нашего лагеря. Однако сегодня утром, проверяя вашу кровь, мисс Моро, мы с удивлением обнаружили, что ваши иммунные показатели не менее исключительны.

Девушка молча кивала. Со стороны она сейчас выглядела как по болванчик в едущей машине. Генри продолжил:

— Согласно общему протоколу и контракту, который вы подписали при въезде, по истечении тридцатилетнего срока подопечные, не нашедшие пару, должны быть переданы в центральную лабораторию для углублённого исследования кода. С дальнейшим полным сохранением биоматериалов.

— Проще говоря, после тридцатилетия я превращусь в тыкву, — лениво подметил Джек.

Бранн мгновенно заткнул его суровым, предупреждающим взглядом и перехватил инициативу в свои руки:

— Если выразаться проще: у вас, Алекс, есть эти годы на неспешную адаптацию. А у Джека времени больше нет.

В воздухе застыла тяжелая, неловкая пауза. Алекс прекрасно помнила этот пугающий пункт в договоре. Он сильно напрягал её ещё дома, ведь перспектива попасть на генетическую ферму была билетом в один конец. Однако брошюры уверяли, что девяносто девять процентов прибывших в лагерь находят свою пару в период от двух до пяти лет. За это время лагерь как раз и должен пройти стадию адаптации и получить дополнительное профессиональное образование.

— И что конкретно вы предлагаете? — наконец спросила девушка, заставляя голос не дрожать.

— Ситуация действительно нестандартная, поэтому Высший Совет предложил ускорить вашу личную программу, соединив её с экстренной адаптацией в паре, — чётко произнёс Бранн. — Привилегия образования остаётся за вами. Но если вы согласитесь на этот шаг, мы заключим с вами особый договор, по которому вы сможете получить его, уже переселившись в Стерильный город в качестве сформированной пары. Джек своё обучение уже закончил, так что у него есть фора. Однако Совет не отменяет главного факта: в первый же год совместного проживания вы обязаны будете принести потомство. Как и требовал изначальный контракт.

После этой фразы Алекс накрыла настоящая паника. Ещё неделю назад она спокойно спала в своей кровати, и её тревожило лишь то, сможет ли она найти друзей на новом месте, пока родители суетились вокруг её чемоданов. А сейчас... Сейчас её уже знакомят с её будущим мужем.

Генри вовремя подметил это оцепенение и поспешил налить стакан прохладной воды. Алекс жадно, крупными глотками выпила всё до капли.

— Да, подруга, ты попала, — наконец не удержался от комментария Джек.

— Помолчи, — спокойно, но весомо осадил его Бранн.

— У меня есть шанс отказаться? — тихо спросила Алекс.

В кабинете снова повисла тяжёлая тишина.

— Теоретически такую лазейку для вас оставил Совет — исключительно в связи с нестандартностью ситуации, — заговорил учёный. — Однако практически я настоятельно не советую вам этого делать. С учётом того, насколько у Джека редкий код, а вы — его точное «зеркало», вы можете застрять в лагере на долгие годы и так и не дожидаться следующего шанса. К тому же для Джека вы, подозреваю, единственный шанс не попасть на ферму.

Алекс повернулась и пристально посмотрела на Портера. С учётом того, какая страшная судьба ему грозила, парень вообще не выглядел паникующим.

— Что, подруга, рассчитывала покататься на «Ламборджини», а достался потрёпанный «Матиз»? — ухмыльнулся Джек. — Но один плюс во всём этом всё же есть: «Ламборджини» в итоге достался мне.

— И где здесь, чёрт возьми, плюс?! — огрызнулась Алекс.

— А кто сказал, что этот плюс должен быть для тебя?

— Заткнись! — хором прикрикнули на него Бранн и Астор. Куратор устало вздохнул и снова повернулся к девушке:

— В целом Генри прав, Алекс. Выбора у вас действительно не так много. Однако с нашей стороны мы постараемся сделать так, чтобы вся процедура прошла для вас максимально комфортно.

Алекс внимательно смотрела в карие глаза куратора. Он явно не шутил и прекрасно понимал, насколько всё серьёзно. Девушка утвердительно кивнула. Бранн ответил ей понимающим кивком.

— Что ж, раз мы обо всём договорились... Алекс, ты можешь идти в свой корпус. Как только юридические детали будут разработаны, тебя пригласят на официальное согласование контракта. Остальных попрошу остаться.

Куратор вежливым жестом указал на дверь. Девушка поднялась со стула и, слегка пошатываясь от пережитого шока, побрела прочь из кабинета. Сердце бешено колотилось в груди, но она изо всех сил заставляла себя взять эмоции под контроль.

Да, она только-только приехала. Да, всё происходит слишком быстро, почти безумно. Однако она прекрасно помнила, ради чего переступила этот порог и ради кого подписалась на этот биологический фильтр. Её мандраж был понятен, но, возможно, оно и к лучшему, что всё решилось так быстро? По крайней мере, она не застрянет в этом лагере на годы. С этими мыслями Алекс тихо прикрыла за собой тяжёлую дубовую дверь и направилась по длинному белому коридору в сторону своей комнаты.

— Ну, сватовство прошло на ура, — выдохнул Джек и цинично хмыкнул.

— Портер, как же я буду рад, когда ты наконец свалишь из-под моей личной ответственности... — потирая от усталости переносицу, глухо протянул Бранн.

Генри вздохнул и присел в то самое кресло, которое только что покинула напуганная Алекс. Он поправил очки и тихо спросил:

— Как думаете, сильно она испугалась?

— Мягко сказано, — констатировал Джек. — Этот оленёнок в штаны едва не наложил, когда увидел взрослых дяденек в кабинете.

— Ну, ты-то, Портер, конечно, филигранно срезал все углы со своими шуточками, — Бранн бросил на него ледяной взгляд. — Она — твой единственный билет отсюда. И способ избавить меня от мигрени, которую ты устраиваешь мне на постоянной.

— О, как благородно! Но давай будем честны, Бранн: мою рожу ты бы предпочёл видеть на генетических фермах где-нибудь на самом юге страны, — нагло парировал Джек.

— А ну прекратили! Оба! — зашипел на них Генри.

Учёный слишком часто наблюдал эти словесные перепалки. Хотя мужчины знали друг друга давно, братской любовью они явно не пылали. Джек в силу своего сложного характера и статуса засидевшегося лагерника регулярно нарушал местный регламент. То ли от банальной скуки, то ли сознательно показывая зубы руководству. Как глава лагеря, Куратор Бранн не раз отправлял Портера посидеть в карцере за нарушение устава, но каких-то больших сдвигов в воспитании наглеца так и не добился. Больше всего от выходок Джека страдала внутренняя охрана периметра. Парень обожал доставать контрабанду из внешнего мира: пиво, сигареты, презервативы — всё то, в чём отчаянно нуждалась запертая в изоляции молодёжь. В лагере действовали жестокие правила на употребление запрещёнки и любые интимные контакты. Официально глаза закрывались только на сформированные ДНК-пары, однако все прекрасно понимали: сложновато жить в закрытом городке и по пять-семь лет послушно ждать своё единственное «зеркало». Куратор Бранн понимал это и старался жёстко пресекать попытки провоза контрабанды. Поэтому, когда Портер наглед, в первую очередь страдали те, чья работа была следить за порядком на местах — низовые надзиратели. Самому пареньку в самых запущенных случаях грозила кутузка на пару дней, в отличие от лагерной охраны, летевшей с должностей.

— Вы рассуждаете о ней как о куске мяса! — продолжал возмущаться Генри, возвращая мужчин к реальности. — Я даже не представляю, в каком девочка шоке. Первокурсникам ещё толком ничего не объяснили, а её уже выводят на экстренную Помолвку. При самом молниеносном раскладе её должны были выпустить на этот уровень только через полгода!

— Ты уж извини, Генри, но все эти дети прекрасно знают и понимают, зачем они здесь, — сухо отрезал куратор Бранн. — Их должны были подготовить родители. Чтобы реальность не становилась для них внезапным шоком.

Наступило неловкое молчание. Да, ученый понимал и знал наизусть весь регламент. Однако одно дело — понимать инструкции на бумаге, и совсем другое — наблюдать за этим конвейером в живую. За многие годы работы в лагере Генри достаточно повидал, как безжалостная система «зеркал» ломала судьбы молодых людей. Далеко не все приехавшие девчонки и парни были ментально готовы связать свою жизнь с абсолютным незнакомцем. Генри всегда тонко чувствовал таких испуганных подопечных. И Алекс Моро показалась ему именно такой. Хоть ДНК-тест и выдал идеальную совместимость, Джека Портера ученый знал слишком давно. Сильный, наглый, заносчивый. Такой пережует, выплюнет и даже не заметит. И хотя сам Генри дружил с Портером достаточно близко, к дикому характеру этого лагерного бунтаря нужно было ещё умудриться найти подход. Джек в свою очередь искренне уважал Астора — наверное, как раз за ту редкую человечность, которой самому Портеру порой отчаянно не хватало.

— Я постараюсь сильно её не пугать, — хмуро подытожил Джек.

— Постараешься? — лениво хихикнул Куратор. — Портер, слушай меня сюда: сделай так, чтобы я от этого оленёнка больше ни единой капли сомнения или жалобы не услышал. Иначе я самолично, с огромным удовольствием подпишу твои документы в утиль.

В целом хозяина кабинета устроил бы абсолютно любой расклад, лишь бы навсегда убрать с глаз эту наглую, упрямую рожу.

— Кристофер! — строго оборвал распыхивающегося директора Астор.

Куратор Кристофер Бранн дружил с Генри Астором, сколько себя помнил. Они являлись самым первым, экспериментальным поколением иммунных детей, рождённых в секрет-

ных изоляторах ещё до того, как правительство возвело Стерильные города. То, что они сейчас сидели в этих креслах, доказывало всему миру: система работает. Однако они сами прошли через настоящий ад в детстве. Будучи первыми подопытными образцами, они двадцать четыре часа на семь находились под безжалостным присмотром врачей. Тесты, уколы, анализы, скрининги — вот и всё, что они видели до одиннадцати лет. Когда те исследования закончились, Высший Совет принял решение запустить масштабную программу скрещивания уже между подростками детьми. Однако за тридцать лет существования Стерильных городов пар с идеальным, стопроцентным совпадением кода в следующем поколении образовалось не так уж и много. Поэтому и Бранн, и Генри оставались завидными холостяками, высококвалифицированными управленцами на службе у государства. И только ради Генри куратор до сих пор терпел этого несносного Джека.

— Что ж, думаю, мне пора, — Джек поднялся со стула, небрежно поправляя пиджак своего потрёпанного костюма. — Как мы только что выяснили, моя весёлая холостяцкая жизнь подходит к концу, а мне нужно ещё столько всего успеть. Господа.

С этими словами, даже не дожидаясь официального разрешения директора, Джек Портер вальяжно вышел вон из кабинета, громко хлопнув дверью.

— Как и за что ты его терпишь — убей, не пойму, — покачал головой Бранн, обращаясь к другу, как только за Джеком закрылась дверь.

Генри лишь мягко улыбнулся:

— В нём есть свой шарм, Кристофер. Да и за столько лет изучения его генотипа волей-неволей привязываешься к таким экземплярам.

Бранн смотрел на учёного, слегка прищурившись. Он явно не разделял этого дружеского романтизма.

— В общем, Кристофер, мне нужно от тебя официальное разрешение, чтобы начать проведение медицинских тестов над мисс Моро, — Генри вернулся к делу и открыл папку. — Чем быстрее мы закончим со скринингами, тем скорее введём её в курс дела. На её психологическую адаптацию нужно заложить побольше времени. С учётом того, какая дикая пара ей досталась.

— Делай как считаешь нужным, я подпишу протокол, — чётко ответил Бранн. — Я пока начну подготавливать их личные дела и общую программу. Нам нужно успеть проделать все тесты и вывести их на этап заключения брачного контракта за восемь-двенадцать месяцев. А ведь они у нас в этом потоке далеко не единственные.

Генри утвердительно мотнул головой. Учёный уже собрал папки и направился к выходу, как друг негромко окликнул его:

— Эй, Генри. Раз уж мы сегодня оба работаем допоздна... Не хочешь заглянуть ко мне вечером на виски? А то из-за этого заезда «перваков» мы сто лет нормально не сидели.

— Да, ты прав, — обернулся Астор. — Как только закончу с ДНК-картами новичков, захвачу документы и приду к тебе.

— Договорились.

Мужчины крепко пожали друг другу руки, и на этом разошлись.

Глава 6

Алекс шла по коридору, лихорадочно размышляя о том, что только что произошло. Мужчина, которого ей представили... Всё это девушка воображала себе совершенно иначе. Она думала, что её будущим избранником станет примерно её ровесник, ну, может, на пару лет старше. Что они будут знакомиться, узнавать друг друга, выберут один факультет и, возможно, даже успеют влюбиться... Происходящее сейчас казалось каким-то дурным сном. Выходя из кабинета Бранна, Алекс ещё держалась и успокаивала себя, но стоило пройти десяти минутам, как осознание ледяной волной накрыло её с головой. Этот взрослый мужчина — её будущий муж. И это неизбежно произойдёт совсем скоро.

У самой двери блока паника окончательно захлестнула девушку. С каждым шагом контролировать эмоции становилось всё тяжелее, а когда Алекс наконец дошла до своей комнаты, голова уже сильно кружилась. Она буквально влетела внутрь и сразу же осела на пол. Щелчок дверного замка тут же услышали соседки. Они вышли из своих каморок посмотреть, что случилось, и, увидав Алекс, поспешили к ней. Первая на корточки перед ней присела Лина.

— Алекс, что с тобой? — с тревогой в голосе спросила она.

Девушка плотно прижала колени к груди, уткнулась в них лицом и попыталась выровнять дыхание.

— Господи, не пугай ты нас так! Зачем тебя вообще вызывали? — не выдержала Майя.

Алекс подняла голову, сделала ещё один глубокий вдох и тихо произнесла:

— Всё в порядке. Всё в полном порядке.

— Незаметно, — с лёгким сарказмом отозвалась Майя.

Набравшись сил, Алекс поднялась с пола и молча прошла в гостиную. Девочки тенью последовали за ней. Александра опустилась на диван и устало закрыла глаза. Лина тут же принялась возиться у чайной станции — всякий раз, когда она сильно нервничала, ей жизненно необходимо было занять чем-то руки. Майя села на диван рядом.

Алекс мучительно пыталась подобрать слова. Наконец, поняв, что лучшая стратегия — это выдать всё в лоб, она выпалила:

— Мне нашли мужа.

Наступила мертвецкая тишина. Лина, только что гремевшая посудой на кухне, замерла, обернулась и шокировано уставилась на подругу. Майя переводила растерянный взгляд с одной девчонки на другую, отчаянно ища в словах Алекс подвох. Но Алекс лишь утвердительно кивнула, подтверждая: нет, это не розыгрыш.

— Да ладно?! — первой выпалила Майя. — И какой он?

— Погоди, погоди, — Лина бросила возиться с чаем и тоже поспешно присела на диван. — Но почему так рано?

— Ну, если по протоколу, то не рано, — тихо отозвалась Алекс. — Нас ведь начали проверять на совместимость сразу после заезда. Так что... вот, как-то так.

Алекс не знала, что ещё добавить. Она и сама понятия не имела, как всё повернётся дальше. Знала лишь одно: обратного пути нет, всё уже решено.

— Повторю вопрос: какой он? Он с нашего потока? — не унималась Майя.

Лина укоризненно посмотрела на неугомонную соседку, но промолчала. Моро задумалась. Даже сейчас, пытаясь вспомнить встречу, она не могла сказать ничего внятного. Перед глазами стоял лишь смутный образ. Чёрт, да она даже его лицо сейчас помнила с трудом!

— Нет, он значительно старше. Кажется, ему двадцать девять. Да, точно. Из тех, кто тут... задержался. Кажется, Джон... Нет, Джек. Джек Портер.

Майя невольно усмехнулась:

— Тебя только что с ним познакомили, а ты уже в имени путаешься!

Алекс слегка покраснела и принялась оправдываться:

— Я просто не ожидала. Если честно, до сих пор в шоке.

— Но это ведь хорошо, да? — мягко уточнила Лина. — Ну, в смысле, это же лучший расклад! Пройдёшь адаптацию, получишь образование и сразу переедешь в собственный дом. И не придётся ни о чём переживать.

— Да, наверное... — пробормотала Алекс. — То есть не совсем. Мне дали понять, что из-за его возраста сроки будут сильно сдвинуты. Вся подготовка пройдет гораздо быстрее. Сказали, в ближайшее время объяснят подробнее.

В гостиной снова повисла неловкая тишина. Соседки крепко задумались — каждая из них в этот момент наверняка примерила ситуацию на себя, ведь в любой день их тоже могли вызвать на подобное знакомство. Сама Алекс постепенно успокаивалась и уже уверенно брала себя в руки. Что сделано, то сделано. Теперь оставалось просто плыть по течению и ждать следующего шага от руководства лагеря.

— Как ты? — наконец тихо спросила Лина.

— Нормально, — улыбнулась Алекс, и эта улыбка почти не была натянутой. — Мне правда уже лучше. Мысли, конечно, скачут, но это, наверное, естественная реакция. Меня заверили, что никого не бросят в омут с головой и дадут время на притирку. Так что мне просто нужно чуть больше времени, чтобы узнать этого Джека.

Сейчас Алекс меньше всего на свете хотелось думать о случившемся. Ей до боли в груди требовалось выдохнуть, забыться и хоть на что-то отвлечься. Майя мгновенно считала это состояние и решительно поднялась с дивана:

— К чёрту чай, пойдёмте на улицу! Напьем эту чопорную лагерную форму и подышим свежим воздухом. Погода прекрасная. Говорят, на территории есть озеро, вот и пойдём поищем его. Тем более завтра начнутся все эти нудные занятия и нам станет вообще не до прогулок.

Девчонки переглянулись и дружно одобрили идею. Майя и Лина разбрелись по своим каморкам переодеваться, оставив Алекс в гостиной. Девушка поднялась, подошла к панорамному окну и скрестила руки на груди. Снаружи всюду светило солнце. По внутреннему дворику «Арка Фоедерус» неторопливо прогуливались другие ребята, наслаждаясь последним свободным днём. Алекс поймала себя на том, что её взгляд невольно ищет в толпе лицо своего будущего мужа, но вовремя осеклась. Ей больше не было так жутко. Обычное человеческое любопытство постепенно вытесняло панические мысли. Этот мужчина, хоть и был сильно старше, да и вёл себя в кабинете директора достаточно вызывающе, всё же не показался ей по-настоящему опасным. Возможно, когда они узнают друг друга поближе, всё сложится как надо. А сейчас её ждало живописное местное озеро. И целых полдня абсолютной свободы, когда можно было вообще ни о чём не думать.

Джек уверенно шёл по пустым, полу мрачным коридорам хозяйственных помещений. За одиннадцать лет проживания в застенках лагеря он наизусть выучил поминутное расписание каждой комнаты. Сегодня был четверг, время перевалило за восемь вечера. Только завтра утром сюда прибудет шумная смена прачек, чтобы стирать грязное постельное бельё из жилых корпусов. Но сегодня... Сегодня здесь царила абсолютная, звенящая тишина. Отлично зная графики обходов и имея в кармане нужные ключи (местные рабочие частенько «теряли» их за небольшое вознаграждение), лагерники превратили эти крошечные душевые каморки в потайные места для запрещённых тусовок и редких романтических вечеров. Здесь не было вездесущих камер и патрулей «Вектора», а с не вовремя проходившим мимо персоналом всегда можно было легко и дёшево договориться.

Подойдя к двери одного из таких помещений, Джек тихонько постучал костяшками пальцев по косяку. Засов щёлкнул, и дверь практически сразу распахнулась. В проходе стояла Пэй-

шен. Её глубокие, почти угольно-чёрные глаза мгновенно пригвоздили парня к месту. Густые чёрные волосы и смуглая кожа делали её безумно очаровательной, но в то же время строгой, почти опасной. Джек, как обычно, расплылся в своей фирменной, обезоруживающей ухмылке и вкрадчиво прошептал:

— Скучала, красotka?

Девушка не удостоила его ответом. Она лишь резко зыркнула по сторонам и, убедившись, что лишних свидетелей в коридоре нет, мёртвой хваткой вцепилась в его пиджак и затащила парня внутрь прачечной.

— Это правда? — с порога выпалила она.

Джек прекрасно понимал, о чём речь, но упрямый характер требовал немного подразнить смуглую лагерницу.

— Как-то слишком быстро в наших бараках расходятся слухи...

— Ты мне зубы-то не заговаривай! — жёстко зашипела Пэйшен, скрестив руки на груди. — Весь женский корпус уже вовсю тряндит, что нашему одиннадцатилетнему старожилу наконец-то нашли «зеркало».

Девушка пронзительно сверлила мужчину взглядом. Джек внимательно изучал её бурную реакцию, намеренно не спеша удовлетворять её любопытство. За что тут же получил ошутимый, хлёсткий тычок кулаком прямо в грудь.

— Ауч! — слегка наигранно взвизгнул парень, хватаясь за сердце. — Ладно, ладно, Пэйшен, это правда.

— Охренеть... — не сдержав эмоций, выдохнула девушка.

Она принялась нервно мерить шагами тесную комнату, ходя взад-вперёд между баками. Наконец, немного собравшись с мыслями, она бессильно опустилась на огромный холщовый тюк с грязным бельём и с растерянной улыбкой повторила:

— Просто охренеть.

— Я что-то не понял, ты сейчас радуешься или злишься? — Джек озадаченно привалился спиной к стене.

— Я пока сама не знаю, — честно ответила Пэйшен. — В том смысле, что я безумно рада, что тебя через месяц не спишут на органы в центральную лабораторию. Но я в полном шоке от того, что это вообще произошло.

Ребята переглянулись и вдруг одновременно, почти истерично рассмеялись, сбрасывая дикое дневное напряжение.

— Если честно, я и сам не поверил, пока не увидел её собственными глазами в кабинете Бранна, — признался Джек, отсмеявшись.

— И какая она?

— Наивный оленёнок, — пожал плечами Портер. — Чего ещё ожидать от девчонки, которая только-только с КПП. В меру пугливая, но при этом умудрилась прямо при мне бесцеремонно заткнуть Бранна.

— Ого, — Пэйшен удивлённо приподняла бровь.

— Да. Вот только она ещё совсем не понимает, какие бывают последствия у таких действий в этом лагере. У тебя курева нет? Я, кажется, свои сигареты в корпусе забыл.

— Нет, но... — девушка поднялась со скомканного тюка и подошла к ржавой трубе сто-
яка. Просунув руку за неё, она ловко достала начатую пачку.

— Видела, как прачки прятали, когда я на той неделе бельё сдавала.

— Предлагаю не грабить местных красоток, а просто раскурить одну на двоих, — ухмыльнулся Портер.

Немного поколебавшись, Пэйшен решила, что это достаточно разумный компромисс. Она щёлкнула дешёвой зажигалкой и подкурила. Сделав одну глубокую затяжку, девушка передала тлеющий огонёк Джеку.

— И что дальше? — выдохнула она сизый дым в потолок.

— Как будто ты сама наизусть не знаешь, что дальше? — усмехнулся Джек, перехватывая сигарету.

— Да нет, я всё понимаю, просто...

Девушку сейчас явно волновала не сама помолвка Портера и не юридические тонкости контракта. Джек мгновенно считал её изменившееся настроение.

— Пэйшен, мы ведь с самого начала знали, что вся эта наша история — не про «долго и счастливо», — на удивление серьёзно произнёс парень, притягивая смуглую лагерницу к себе.

Он сделал последнюю затяжку, бросил окуроч на бетонный пол и хладнокровно затушил его носком ботинка. Их пальцы встретились, скрестившись в надёжном нижнем замке.

— Да. Но я хотя была уверена, что через месяц тебя чинно расфасуют по мешочкам в лаборатории. А теперь...

Джек не дал ей закончить эти мрачные размышления. Он резко подался вперёд и впился в её губы страстным, собственническим поцелуем. Его вторая ладонь медленно поползла вверх по бедру, забираясь под тонкую ткань рубашки и сминая смуглую, горячую кожу. Пэйшен даже не подумала отпрянуть.

— Теперь у нас будет гораздо больше времени, чем один несчастный месяц, чтобы продолжать наслаждаться друг другом, — оторвавшись от её губ, хрипло прошептал Джек. — Пока оленёнок разбирается в местных правилах, я полностью весь твой. А там, глядишь, найдётся тебе какой-нибудь мелкий мужичок по ДНК, и мы все вместе дружно отправимся в Стерильный город. Будем жёстко наставлять рога нашим молодёжкам парам.

Джек снова прильнул к девушке, принимаясь покрывать поцелуями её шею. Почувствовав щекощущую щетину, Пэйшен невольно заулыбалась.

— И скольким лагерницам, пересёкшим границу Стерильного города, ты уже успел пообещать такое? — ехидно подметила она, откидывая голову назад.

— Прилично кому, — честно и без капли стыда ответил парень. — Но думаю, тебя это сейчас не сильно волнует.

Джек мягко опрокинул девушку на огромную кучу скомканных пододеяльников. Его пальцы уже вовсю расстёгивали пуговицы на её серых штанах. Пэйшен лишь лукаво заулыбалась, решив, что продолжить этот сложный разговор можно будет и попозже.

Глава 7

— Меня очень беспокоит состояние Клэр, — Генри поглубже присел на кожаный диван и принялся неловко крутить в пальцах тяжёлый стакан с виски, который ему только что налил Бранн.

Генетик не слишком любил крепкий алкоголь, но в их редких вечерних посиделках с другом детства это было чем-то вроде обязательного атрибута. Обычно Астор весь вечер просто держал стакан в руках, а в конце вечера аккуратно ставил его на столик, так и не допив даже до половины.

— Это которая из них? — куратор устало потёр ладонями лицо и вальяжно потянулся в своём массивном кресле. Из-за затяжных проверок Кристофер выглядел измотанным.

— Клэр Оливера. Она на нашем лагерном попечении находится уже пятый год.

Бранн вскинул глаза к потолку, пытаясь вспомнить, о ком вообще идёт речь.

— Оливера... Оливера... — принялся задумчиво бубнить под нос директор.

Генри с мягким укором посмотрел на друга поверх стёкол очков.

— Ну а что ты на меня так смотришь? — Кристофер усмехнулся и шутливо ткнул пальцем в лежащую на столе огромную кипу документов. — Это ты с ними возишься в лаборатории практически каждый божий день. А я — администратор. Моё дело — вовремя подписывать эти чёртовы бумажки.

Астор сделал один крошечный, чисто символический глоток из стакана и тут же поморщился. Светло-коричневая терпкая жидкость обожгла горло. Он поспешно отставил виски подальше на край журнального столика и продолжил:

— Клэр Оливера. Двадцать три года. Русоволосая, кудрявая, очень худенькая девчонка. И ростом совсем небольшая.

— А-а-а! Клэр! Да, точно, вспомнил, — Бранн понимающе улыбнулся, и его взгляд стал мягким. — Приятная, тихая девчушка. Так и что с ней стряслось?

— В последнее время она ходит какая-то совершенно подавленная, — принялся делиться наблюдениями Генри, уходя в рассуждения. — Во время обязательного забора крови постоянно молчит, ни разу не улыбнулась. А вчера она с треском провалила плановый психологический тест у специалистов.

— Ну... Может, просто конфликтует с кем-то в бараке, — спокойно протянул Бранн, делая очередной размеренный глоток из своего стакана. — Ты же сам прекрасно знаешь, какие проблемы и трения всегда бывают при регулярных заездах новичков.

Генри аккуратно снял очки, уставился в потолок кабинета и тяжело вздохнул. Да, он слишком хорошо знал, какие в лагере «Арка Фоедерус» наступают тяжёлые времена во время пополнения потоков. Новеньких «перваков» привозили строго раз в полгода, в зависимости от дат их рождения — в начале года, в январе, и в самой середине, в июне. Обычно в эти недели все высокопоставленные работники лагеря, особенно старшие офицеры «Вектора», получали колоссальный объём бумажной работы, общая дисциплина на территории страдала, и в кампусе неизбежно начинались мелкие потасовки. Новенькие со старыми лагерниками, старые — с патрульной охраной. Но обычно весь этот хаос полностью сходил на нет в первые же два-три дня. А с момента последнего июньского заезда прошло уже больше двух недель. К тому же первые изменения в поведении Клэр молодой учёный стал замечать значительно раньше.

— Да, я поначалу тоже списал всё на стресс от нового потока, — тихо произнёс Генри. — Но что-то в её поведении упорно не сходится.

Астор принялся задумчиво крутить дужку очков в пальцах, всё глубже и глубже погружаясь в собственные тревожные мысли. Все ребята, находившиеся под крылом, по сути, оставались его личной заботой. Он искренне, с глубоким человеческим сочувствием относился к

каждому подопечному и бесконечно уважал их за эту нелёгкую судьбу и вынужденный биологический долг. Тем более, что этот суровый путь никто из них добровольно не выбирал.

— Эй... — Бранн легонько щёлкнул пальцами в воздухе, привлекая внимание друга, чтобы Генри окончательно не ушёл в свою меланхолию. — Если ты действительно считаешь, что здесь есть реальный повод для беспокойства, я разберусь. Завтра же лично приглашу эту твою Клэр к себе в кабинет на беседу и расспрошу поподробнее, что именно её гложет. Лады?

Генри коротко кивнул ему в ответ. Он твёрдо знал, что в этом деликатном вопросе может полностью довериться старому другу. Увидев, что тревога молодого учёного постепенно сходит на нет, Бранн решил плавно сменить тему разговора:

— Ну ладно, а как тебе эта новая девчонка для Портера?

— Наше маленькое лагерное чудо? — по-доброму усмехнулся Генри, вспомнив испуганное лицо Алекс. — Совсем ещё молоденькая, восемнадцать только исполнилось. Но по глазам сразу вижу — далеко не глупая. Если честно, Кристофер, я аж утренним кофе поперхнулся в лаборатории, когда компьютер выдал мне её стопроцентное совпадение по ДНК-маркерам с Джеком.

— Представляю, какой глупый у тебя в этот момент был видок, — беззлобно поддёрнул его Бранн и сделал очередной большой глоток из своего стакана. Генри искренне заулыбался, соглашаясь с подколкой.

— Да, пожалуй, ты прав, — учёный через силу тоже глотнул немного обжигающего виски и снова смешно поморщился. — Я, если честно, до последнего момента вообще не думал, что Портеру в принципе когда-нибудь найдётся «зеркало». По сути, этот текущий июньский поток был его самым последним шансом.

— Ну, значит, твой любимчик Портер остаётся с тобой ещё как минимум на один «прекрасный» год, — Бранн цинично прищурился. — Поздравляю.

Генри прекрасно знал, что эти поздравления директора лагеря звучат далеко не от всего сердца. Но Астор никогда не винил друга за эту скрытую неприязнь. В конце концов, Портер за одиннадцать лет лагерной жизни действительно пожрал немало директорских нервов.

— Этот говнюк — мастер портить кровь, — тихо усмехнулся Бранн, вовремя сдерживая себя от дальнейших агрессивных рассуждений. — В общем, я искренне рад, что ровно через год он наконец-то станет чьей-то чужой занозой в заднице в Стерильном городе. Рад за него. Пусть даже и не совсем искренне.

— Звучит как отличный тост, Кристофер, — ехидно подметил Генри.

— О, да! — директор довольно оскалился и протянул свой стакан вперёд, чтобы со звоном чокнуться.

Глава 8

Элен Бранн была женщиной далеко не из робкого десятка. Будучи прочно запертой внутри Системы всю свою сознательную жизнь, она досконально знала абсолютно все прелести и скрытые невзгоды, которые неотвратимо могли преследовать человека, находящегося здесь.

Она, известная тогда еще мисс Шедоу, находилась в самом первом, экспериментальном потоке восемнадцатилетних подростков, которых централизованно забирали открывающиеся секторы. В те далёкие годы, когда весь внешний мир буквально заживо сгорал от неизвестных болезней, словно в жуткую эпоху средневековой чумы, молодая девушка пошла на распределение абсолютным добровольцем. Узнав из официальных ведомостей, что таким радикальным образом она сможет гарантированно спасти себя и одновременно внести важный генетический вклад в выживание человечества, Элен приняла вызов. Её родители были категорически против этого шага, но Элен уже являлась совершеннолетней и могла самостоятельно принимать роковые решения.

Тогда в секторах ещё не существовало столь удобных, комфортных условий для существования. Большие, холодные коридорные бараки грубо делились лишь на мужские и женские зоны. О каких-либо уютных гостиных, зонах отдыха и развлечениях в те суровые времена не шло и речи. Попасть сюда было всё равно что загреметь в жёсткую регулярную армию. И далеко не все присутствующие в бараках новобранцы разделяли свою навязанную судьбу так же благосклонно и покорно, как Элен. Множество кровавых стычек и открытых восстаний внутри охраняемого периметра Администрации в те годы приходилось жестоко давить силами регулярных военных подразделений. Со временем, отчётливо поняв, что тоталитарная система единоличного жёсткого кнута попросту не работает, местным ребятам в качестве альтернативы начали постепенно предлагать заманчивые пряники. Элен, будучи образцово-примерной лагерницей, максимально обходявшей стороной любые внутренние конфликты, оказалась одной из первых, кто добровольно подписал официальный договор о пожизненном медицинском страховании своих родителей. В то беспокойное время в бараках как раз стремительно набирал обороты зловещий слух, что правительство собирается полностью отключать от централизованной системы бесплатного медицинского обследования всех людей, чей возраст достиг шестидесяти лет. И вскоре этот людоедский закон был действительно официально подписан Высшим Советом. Лагерникам взамен предложили государственную помощь: их престарелые родители гарантированно оставались в программе тех, кого Мед-Корп продолжит бесплатно поддерживать на протяжении всей жизни, раз их собственные дети честно служат на благо родины. Элен стала наглядным примером для многих колеблющихся подопечных, которые в один миг сменили свой яростный гнев на милость, готовые подчиниться конвейеру, лишь бы спасти жизни матерей и отцов.

Долгих четыре года молодая девушка послушно просидела в секторе в томительном ожидании подбора своей ДНК-пары. И вот, в одном из новых принудительных потоков наконец-то появился он. Молодой, статный, с красивой и благородной европейской фамилией Бранн. Этот парень попал в закрытую систему насильно и уж тем более внутренне не был готов к навязанному браку. Однако в те времена ещё не существовало разработанных компьютерных систем длительных притирок, поэтому молодых людей по-быстрому расписали в комендатуре, перевезли в закрытое элитарное поселение, выдали им в пользование небольшой типовой дом и сухо пожелали счастливой семейной жизни.

Юридически такой брак, как и древнее церковное венчание, невозможно было расторгнуть ни при каких обстоятельствах. И двум чужим молодым людям пришлось предпринимать мучительные попытки как-то ужиться вместе, постоянно находясь под строгим, немигающим контролем лагерных медиков. Истинной человеческой любовью в их холодных отноше-

ниях даже близко не пахло. Хотя Элен искренне и пыталась поначалу налаживать хоть какую-то душевную связь с супругом, тот, обоснованно считая её фанатичкой и слепым винтиком Системы, максимально жёстко отстранялся от девушки.

Прошло около полугода прежде чем супруги Бранн начали хотя бы вместе молча завтракать по утрам и изредка выходить под руку на улицу. Парень по-прежнему не был в восторге от своей участи, однако со стороны казалось, что он начал постепенно свыкаться с неизбежным. Вскоре ему официально предложили работу в сфере масштабного строительства новых жилых домов для образующихся лагерных семей, и он согласился. Женщинам в закрытом поселении тогда категорически запрещалось работать. Их единственной системной задачей было методично готовиться к будущему зачатию и во всём ублажать своего законного мужа.

Парень стал подолгу пропадать на своей новой строительной работе, и Элен, даже с учётом изначально сухих отношений в их семье, начала чувствовать себя невыносимо одинокой. Вокруг них в поселении уже повсюду начали появляться другие молодые семьи и даже рождались первые дети. У девушки глухо щемило в груди от горькой обиды, ведь она переехала в сектор намного раньше большинства соседок, но собственный муж упорно не смотрел на неё ни при каких обстоятельствах. От отчаяния девушка ненароком начала даже подумывать о тайной измене с кем-то из рабочих, чтобы просто зачать долгожданного ребёнка, однако вовремя и трезво поняла, что обязательный ДНК-тест Мед-Корпа никогда не покажет нужного отцовства, и тогда это фатально грозило страшными последствиями абсолютно для всех.

Так прошло ещё четыре долгих года. Холодная сухость мужа со временем начала постепенно перерастать во вспышки глухой агрессии, а навязчивая забота Элен — в настоящую манию во что бы то ни стало всё исправить. Ей нужно было забеременеть, чего бы это ни стоило. Муж же стал регулярно пропадать где-то до глубокой ночи после смены. Бывало, он и вовсе не приходил ночевать домой, а под самое утро мог явиться в комнату, не проронив ни единого слова. Девушка прекрасно понимала, где именно он пропадает, по отчётливому, едкому запаху чужих дешёвых духов, которые явно были не её, но покорно и молча принимала этот позор. Вскоре Ведомство контроля за рождаемостью начало всерьёз интересоваться затянувшимся положением в их семье. Почти пять лет официального ДНК-брака — и ни одного рождённого ребёнка в отчётах Совета.

Потихоньку в закрытой системе как раз формировалось новое жёсткое правило: нет детей — нет государственного обеспечения. Но мужчине было словно абсолютно всё равно на эти системные угрозы. Набравшись смелости, Элен решительно настроилась поставить жёсткие условия своему непутёвому мужу. Один-единственный общий ребёнок для отчётности Мед-Корпа — и после этого он может быть полностью свободен. Она пообещала, что больше не станет глупо пытаться сохранить эту разрушенную семью, удерживать его дома или пытаться насильно налаживать отношения. Он сможет при ней гулять тайно за периметром и жить своей собственной жизнью, а она будет преданно его покрывать перед кураторами. Да, официального развода им в этой жизни никогда не светит, однако таким компромиссом оба партнёра смогут гарантированно сохранить за собой всё то, что им когда-то дала Система. А может быть, даже сохранить свои собственные жизни.

В секторах только-только начинали активно формироваться первые закрытые институты Мед-Корпа. Особые Университеты изучения иммунологии подопечных лагеря. Туда со всех округов централизованно свозили людей, которые физически не смогли вписаться в тоталитарную структуру или умышленно саботировали свою плановую рождаемость. Высокопоставленные чиновники Высшего Совета повсюду рассуждали на собраниях о том, что жестокие опыты, которые начали тайно проводить в таких закрытых структурах, помогут генетикам оперативно найти универсальные вакцины от стремительно распространяющихся по планете смертоносных штаммов. Туда безжалостно свозили всех непокорных и проводили над ними многочисленные, мучительные тесты. Никто из лагерных врачей особо не сюсюкался с подопытными,

и общие условия содержания там были по-настоящему скотскими. Случались редкие, единичные случаи, когда оттуда чудом возвращались живые люди, но их здоровье оказывалось подорвано настолько катастрофически, что долго они на этом свете всё равно не жили. Чтобы не вызывать лишнего резонанса среди лагерников, со временем подопечные и вовсе перестали возвращаться оттуда, а Администрация сухо заявляла, что их жертва на благо родины была не напрасна и теперь они просто мирно доживают свою жизнь в специальных закрытых пансионатах. Но никто давно не верил в эти сказки. В народе такие страшные институты быстро стали называть фермами утилизации.

Элен с мужем вполне реально могли в один день загреметь туда за саботаж. И мужчина, взвесив риски, неохотно согласился.

Это грязное время женщина и по сей день вспоминает с особым, удушающим отвращением. Супруг даже не пытался быть с ней нежным. Весь их интимный процесс был максимально механическим, холодным, сопровождающийся обоюдным ощущением тотального отвращения к партнёру. А когда всё наконец заканчивалось, мужчина молча вставал и уходил спать в другую комнату. Именно тогда молодая девушка окончательно сломалась изнутри. Она искренне не понимала, за что и почему она была так глубоко ненавистна этому мужчине. Но больше она никогда не пыталась это выяснить.

Чтобы добиться нужного Системе результата, слишком много времени супругам не понадобилось, и вскоре бледную Элен уже официально поздравляли с такой долгожданной, выстраданной беременностью. Наконец-то она могла открыто улыбаться на улице и чувствовать себя относительно свободной от гнёта утиль-ферм. Как изначально и договаривались, супруги Бранн начали жить абсолютно параллельными жизнями в своём небольшом доме. Он сутками работал на строительстве и пропадал без вести по несколько дней, а она тихо ухаживала за хозяйством и ментально готовилась к грядущему рождению ребёнка. Сына. Как же Элен была слепо счастлива в те месяцы, наивно думая, что в её разрушенной жизни наконец-то появится единственный мужчина, которого она сможет совершенно свободно и безбоязненно любить. Но эта хрупкая иллюзия продлилась не так уж долго.

Однажды вечером муж, пришедший со стройки явно не в настроении, зверски избил жену. Без каких-либо внятных объяснений. Просто так, сорвав на ней накопившуюся злость. Элен находилась уже на восьмом месяце беременности, и от страшных ударов у неё прямо в комнате начались преждевременные, мучительные роды. Прибывшим по экстренному вызову лагерным врачам Мед-Корпа она, давясь слезами, солгала, что случайно оступилась и упала с крутой деревянной лестницы. К счастью, всё обошлось, и в ту страшную ночь на свет благополучно появился маленький Кристофер Бранн.

Практически сразу младенца централизованно забрали у матери на регулярные медицинские обследования. Пять дней в неделю новорождённый Кристофер проводил в закрытом специализированном детском садике Мед-Корпа, где над детьми еженедельно проводились плановые генетические анализы и замеры крови. Это ещё не были те самые жёсткие, скотские утиль-фермы для непокорных, однако достаточно много времени испуганные дети первого поколения проводили в холодных медицинских кабинетах под присмотром бездушных приборов. А Элен с каждым годом всё больше и больше панически боялась своего агрессивного, непредсказуемого мужа.

Мужчина со временем перестал стесняться в проявлениях жестокости своего подрастающего ребёнка или немногочисленной домашней прислуги. Но изломанная женщина упрямо терпела этот ад, отчётливо понимая кожей, что ей в этом тоталитарном мире попросту абсолютно некуда пойти. Официально доложить на тирана-мужа кураторам у неё не было ни малейшей возможности. Бранн-старший уже находился на очень хорошем счету у Высшего Совета, занимал высокую руководящую должность на строительстве секторов и обжился влиятельными связями, зарекомендовав себя в глазах начальства как прекрасный, жёсткий и абсолютно

незаменимый сотрудник Системы. Элен же на этом блестящем фоне не имела за душой ровным счётом ничего. Обычная, бесправная домохозяйка, которая в своё время чудом запрыгнула в последний вагон уходящего конвейера благодаря долгожданной беременности. Её личная жизнь была полностью, до самого основания уничтожена мужем.

Время неумолимо шло вперёд, маленький сын рос и оставался для неё единственной живой радостью в этих пустых стенах. Элен искренне расцветала душой только тогда, когда Бранн-старший надолго пропадал из дома, уезжал в затяжные министерские командировки или открыто шлялся по своим многочисленным лагерным любовницам. А когда тиран всё-таки возвращался под общую крышу, она старалась лишней раз вообще не выходить из своей комнаты, испуганно забирая маленького ребёнка к себе на кровать.

Когда Кристоферу исполнилось семь лет, он чем-то случайно разозлил пришедшего пьяным отца. Мужчина, недолго думая, с размаху влепил родному сыну жестокую, хлесткую затрепщину. От страшного удара взрослым кулаком маленький ребёнок пулей отлетел к противоположной стене и, звонко ударившись об неё головой, мгновенно обмяк и беспомощно сполз на пол. Мать в ужасе ринулась на защиту без сознания лежащего мальчика, но в итоге получила от разъярённого мужа ещё больше.

Жуткий итог той ночи: у семилетнего Кристофера — тяжелейшее сотрясение мозга, а у его матери — болезненный перелом пары рёбер. Именно тогда, лёжа на холодном полу и слушая хриплый храп спящего на диване тирана, изломанная женщина приняла своё окончательное и беспощадное решение: от этого мужчины нужно во что бы то ни стало избавиться. И вскоре такой удобный случай ей действительно предоставился.

Из-за своего беспорядочного и нездорового образа жизни мужчина тяжело заболел. Мед-Корп в те годы максимально строго следил за общим физическим состоянием своих ценных подопечных, и, выписав Бранну-старшему необходимое лечение, доверил его выдачу самому близкому и надёжному человеку. Супруге. И уж та постаралась в полной мере дать ему именно то «лечение», которого на самом деле заслуживал её благоверный муж.

Став официальной вдовой, Элен полноценно превратилась в единоличную хозяйку большого дома и смогла наконец-то спокойно воспитывать любимого сына в благе и тишине. Всё то немалое имущество, что успел при жизни наработать её муж, автоматически стало её законным пожизненным фондом, а Система исправно выплачивала достаточно большое денежное пособие на воспитание Кристофера, позволяя им обоим жить в абсолютном достатке. Однако зловещая тёмная сторона покойного мужа так до конца и не отпустила их маленькую семью.

Уже в подростковом возрасте Элен с растущим ужасом начала отчётливо замечать пугающие нотки точно такой же генетической жестокости и в собственном сыне. Чтобы хоть как-то совладать с его внезапными, опасными вспышками гнева, Элен предприняла абсолютно все, чтобы Кристофер после школы попал на обучение именно в элитарные силовые структуры. Несчастная женщина искренне надеялась, что суровая военная мантра, дисциплина и приказы, а вовсе не её слабый женский нрав, смогут со временем воспитать из её сложного ребёнка лучшего человека.

Выпустившись из закрытой академии, молодой человек сразу стал успешно работать в Системе и в скором времени принялся стремительно занимать руководящие должности — сначала заместителя, а затем и директора лагеря «Арка Фоедерус». Однако к этому моменту их личные отношения с матерью были уже окончательно и бесповоротно испорчены. Для посторонних людей и Высшего Совета они по-прежнему виртуозно играли идеальную роль любящих родительницу и сына. Он — высокопоставленный, незаменимый чиновник, она — уважаемая основательница крупного благотворительного фонда для детей-сирот, чьи родители были удалены из системы. Оба постоянно находились на публике, оба были обязаны держать высокую планку статуса. Но за закрытыми дверями дома Элен они могли говорить друг с другом так, как они сами считали нужным.

И вот сейчас, сидя глубоким вечером на просторной кухне и неподвижно держа в пальцах бокал красного вина, женщина молча смотрела на то, как сидящий перед ней суровый, бородатый мужчина в синем кителе мягко размешивал сахар в своей чашке с кофе.

— Как твои дела, мама? — негромко спросил Кристофер, не поднимая карих глаз.

— Прекрасно, если не считать того, что я не совсем понимаю, что конкретно ты здесь делаешь, — ровным, прохладным голосом ответила Элен.

Кристофер Бранн никогда не приходил в этот дом просто так, без веской причины. Для банального поддержания светского имиджа он послушно навещался сюда раз в пару недель, официально проводывая свою матушку под прицелом кураторов. Но сейчас на дворе стоял уже глубокий вечер, и вряд ли хоть кто-то из Высшего Совета знал о его присутствии в этих кварталах Стерильного города.

— Я что, не могу просто провести тебя? — спокойно парировал сын.

— Можешь, но мы оба прекрасно знаем, что ты приехал ко мне сейчас вовсе не за этим, Кристофер. Ближе к делу. На дворе уже достаточно поздно, я хочу спокойно допить своё вино и лечь спать, — достаточно спокойно, без капли страха объяснила женщина, глядя на директора.

Кристофер посмотрел на мать и тихонько, зловеще усмехнулся:

— Деловая. Но ты действительно права, мама, мне есть о чём с тобой поговорить.

Глава 9

Алекс смущённо приоткрыла тяжёлую дверь. В приёмной стоял небольшой рабочий стол и несколько стульев для посетителей. Одинокое окно было плотно затянуто серыми жалюзи. Девушка-секретарь за столом увлечённо что-то чеканила на клавиатуре. Уже здесь, едва переступив порог, можно было отчётливо ощутить специфический, резкий запах лабораторных реактивов. И хотя этот медицинский шлейф давно стал суровой нормой в угасающем мире, у Алекс он инстинктивно вызывал глухую тревогу. Она совершенно не знала, чего именно стоит ожидать в кабинете ведущего генетика лагеря.

Сегодня с утра в их жилой блок без лишних слов постучался суровый охранник из ведомства «Вектора» и сухо передал ей официальную бумагу о явке к Генри Астору. Никаких подробностей конвоир, увы, не знал. Липкое, удушающее чувство неопределённости слегка давило девушке на грудь.

— Вам помочь? — милым, высоким голосом пролепетала секретарша, наконец закончив набирать очередной документ. Её профессиональная улыбка показалась Алекс неестественно натянутой, резиновой.

— Да, простите... Вот, — Алекс робко протянула ей клочок бумаги, переданный утренним патрулём.

Девушка взяла листочек, бегло пробежалась глазами по строчкам и тут же переключилась на монитор компьютера, сверяя электронную запись. Глядя на неё, Алекс невольно вспомнила, как в детстве посещала общественные больницы в родном городе. Её тогда, из-за врождённой исключительности кода, принимали в специальных изолированных отделениях для скрининга кандидатов, которые находились в одних зданиях со всеми остальными бедняками. Бесконечные, злые очереди, переполненные душные регистратуры, плачущие старики, теряющие страховку... Алекс инстинктивно съёжилась от этих воспоминаний. Секретарша вовремя заметила это движение и с неизменной вежливой улыбкой произнесла:

— Присаживайтесь, пожалуйста. Я сообщу доктору, что вы подошли.

Алекс машинально кивнула в ответ и направилась к свободному креслу. Только сейчас она смогла более подробно рассмотреть обстановку приёмной. Помещение было совсем небольшим, но по-своему уютным: глубокие изумрудные стены с плинтусами из тёмного благородного дерева явно должны были оказывать на пациентов успокаивающий эффект. В углу аккуратно устроился кулер с водой для посетителей, стойка с горячим чаем и лимонной водой, а также станция с салфетками и спиртовым антисептиком для протирки рук. Но самое важное — то, что мгновенно заворожило и полностью отвлекло Алекс от паники, находилось в углу рядом с окном.

Большое, живое лимонное дерево. Невероятно красивое, пышное и ярко-зелёное. Девушка обожала любые растения, но дома, она могла позволить себе лишь крошечные декоративные цветочки на подоконнике. Здесь же этот роскошный лимон вольготно развернулся практически на весь угол приёмной, наполняя воздух едва уловимым цитрусовым ароматом.

Дверь внутреннего кабинета тихо приоткрылась, и из неё выглянул молодой генетик. Его кудрявые волосы были слегка взъерошены, а тёплые зеленые глаза за стёклами очков светились искренним дружелюбием.

— Мисс Моро! — тепло улыбнулся Генри Астор, придерживая дверь плечом. — Проходите. Чаю? Воды?

Алекс посмотрела на него, затем перевела растерянный взгляд на секретаршу и неуверенно произнесла:

— Чаю, если можно... С лимоном.

— Отлично, — Генри тепло повернулся к подчинённой. — Китти, будь добра, два чая.

— Хорошо, господин Астор, — пролепетала та с неизменной, заученной улыбкой.

Алекс находилась в этой приёмной всего десять минут, но от Китти уже веяло жутковатым эффектом «зловещей долины». Настолько фальшиво и неестественно выглядело каждое движение этой девушки.

— Мисс Моро, прошу в мой кабинет.

Девушка поднялась и проследовала за генетиком. Кабинет Астора оказался не менее просторным, чем кабинет куратора Бранна, однако здесь наблюдалось куда больше мебели и сложной аппаратуры. Помимо огромного письменного стола, в глаза сразу бросался длинный лабораторный уголок с замершей центрифугой и мощным микроскопом. Вдоль стен выстроились медицинские холодильники, забитые препаратами и пробирками, и шкафы с расходниками. Чуть поодаль, у самого окна, была расположена зона отдыха с большим диваном. Судя по точно такой же помятости подушек, как и у куратора, Генри тоже регулярно задерживался допоздна и ночевал прямо на работе. Рядом с диваном примостился маленький журнальный столик, на котором робко цвела одинокая фиалка. С другой стороны, у дальней стены, было оборудовано место для забора крови со шприцами и жгутами. У каждого стола стояли крутящиеся лабораторные стулья. Один из них генетик мягко передвинул поближе к дивану, уселся на него и вежливым жестом пригласил Алекс присесть на диван.

— Думаю, вы меня помните по нашей первой встрече у директора, но я всё же представлюсь ещё раз, — заговорил парень, усаживаясь напротив. — Меня зовут Генри Астор. Я ведущий генетик лагеря «Арка Фоедерус».

В этот момент раздался тихий, аккуратный стук в дверь. В проходе появилась Китти с подносом в руках. Она беззвучно поставила чашки на журнальный столик и так же бесшумно, словно призрак, удалилась.

— Угощайтесь, — Генри дружелюбно пододвинул к Алекс её порцию горячего чая. Запах горячего зелёного чая со свежим лимоном был просто бесподобным. Алекс аккуратно взяла кружку обеими руками, сделала небольшой глоток и тут же почувствовала, как тёплый напиток приятно расслабляет скованные паникой мышцы. Генри устроился напротив и мягко продолжил:

— Алекс, я пригласил вас... — учёный на секунду запнулся, словно собираясь с духом. — Я могу звать вас по имени?

У девушки невольно поползла вверх лёгкая улыбка. Чуткость и деликатность этого мужчины были какими-то запредельными. Генри смущённо отвёл взгляд в сторону и улыбнулся в ответ.

— Будем считать, что это «да», — кивнул он. — Так вот, Алекс, я пригласил вас, чтобы более подробно описать, что именно нам предстоит делать в ближайшие восемь-двенадцать месяцев. Какие тесты нужно будет сдать, каких врачей пройти и как в целом мы построим наш процесс. Курировать вас буду лично я. Так что если возникнут какие-то проблемы, вопросы по поводу процедур, жалобы на самочувствие или вам просто захочется удовлетворить своё любопытство — прошу не стесняться. Задавайте вопросы лично мне. Хорошо?

Алекс одобрительно кивнула, согревая ладони о чашку.

— Отлично, тогда давайте по порядку, — Генри поправил очки на переносице. — Каждую неделю в этом кабинете я провожу забор крови моих подопечных. Всего таких медицинских кабинетов по всему периметру лагеря десять, за каждым закреплён свой специалист. В редких случаях, когда я буду отсутствовать по делам Ведомства, вас могут принять мои коллеги. Вам заранее об этом сообщат, так что прошу не пугаться.

Генри сделал быстрый глоток чая, чтобы перевести дух.

- Ваше «зеркало» Джека Портера курирую так же я, так что будут случаи, когда я буду вас приглашать в кабинет вместе для проведения тестов. Всех вспомогательных специалистов для вашей пары я подберу сам, подготовлю расписание наблюдения и буду следить за их работой и

выполнением предписаний. Если у вас возникнут проблемы с кем то из специалистов прошу об этом сообщить лично мне.

Астор сделал весомую паузу, внимательно вглядываясь в лицо Алекс, чтобы убедиться, что испуганная девушка всё уловила. Удостоверившись, что вопросов у неё пока нет, Генри облегчённо выдохнул:

— Фух... Ну, вроде бы официальную бюрократическую часть я отчеканил. Теперь можно наконец-то перейти к более близкой мне теме.

Генри поднялся со своего стула, взял с рабочего стола открытый ноутбук и подсел к Алекс на диван. Только в эту секунду, оказавшись совсем рядом, девушка почувствовала шлейф его парфюма, который полностью перебивал въевшийся в стены лабораторный запах.

— Алекс, простите за, возможно, неудобный вопрос... — учёный на мгновение замялся, подбирая слова. — Но жили ли вы половой жизнью до прибытия в лагерь? И... знаете ли вы, откуда берутся дети?

Алекс удивлённо вздёрнула бровь и вопросительно уставилась на Генри. Мужчина поспешил ответить, сразу же пытаясь развеять возникшее недопонимание:

— Простите, но за годы практики я навидался всякого.

— Эм... — замялась Алекс. Она покрепче сжала кружку с чаем. — Нет, половой жизнью я не жила. Но да... Как появляются дети, я прекрасно знаю.

— Хорошо. Тогда я добавлю в ваше расписание пару часов консультаций с сексологом, просто чтобы... — тут уже окончательно смутился сам учёный.

Слегка кашлянув, он поправил очки и поспешил продолжить:

— Итак. Сейчас то, что я стану говорить, может показаться вам не совсем понятным и изрядно забить голову. Но обещаю, по ходу дела мы во всём разберёмся.

Мужчина развернул к ней экран, на котором была открыта папка с длинным идентификационным номером пары Портер/Моро. Внутри содержались подробные личные досье на каждого из них и какие-то сложные графические файлы с цветными цепочками. Один из таких документов он и вывел на дисплей:

- Система стерильных городов работает на законах генетики и наследственности. В генах внешности один признак всегда подавляет другой. Сильный ген побеждает слабый. Так что с большей вероятностью могу сказать, что у ваших деток будут карие глазки.

Генри тепло улыбнулся ей, но сразу же вернулся к строгой научной интонации:

— А вот гены иммунной системы человека — они называются генами главного комплекса гистосовместимости, или сокращённо HLA — никогда не воюют между собой. Они работают по непреклонному биологическому закону кодоминантности. Это значит, что защитные гены отца и гены матери включаются в организме ребёнка одновременно, на полную мощность. Они объединяют свои базы данных против вирусов. Именно этот закон и заложен в основу формирования ДНК-пар для Стерильных городов. Давай разберём это нагляднее, на примере вас и Джека.

Учёный принялся легонько постучать тупым концом ручки по монитору, указывая, куда именно нужно смотреть. На экране замелькали сложные, непонятные графики со множеством цветных пиков и ломаных линий.

— Из-за редких врождённых мутаций иммунная система Джека способна мгновенно распознавать и уничтожать агрессивные вирусы вот этой конкретной группы. А ваш иммунитет уже точно знает, как эффективно бороться с вирусами из вот этой группы. Ваше совместное потомство унаследует защиту абсолютно от всего, что содержится в двух ваших списках ДНК сразу. Понимаете? Бывает так, что эти списки маркеров у людей не слишком большие, и тогда найти подходящую пару для ИИ становится легко. Но случай Портера уникален. Его иммунитет содержит слишком много редких защитных кодов, и из-за этого подобрать ему «зеркало» было крайне сложно. На протяжении одиннадцати лет. Пока не появилась ты...

Генри внезапно осёкся, уловив собственную оговорку, и поспешно поправил себя:

— Вы. Проблема редких и сверхагрессивных иммунных систем заключается в том, что они могут воевать друг с другом. Ваш иммунитет может воспринимать клетки Джека как опасность. Именно по этой причине все пары держат как минимум год здесь. В медицинском блоке проводят обязательную процедуру — иммунотерапию ЛИТ.

Астор сделал паузу, мягко заглядывая Алекс в глаза, и его голос стал чуть тише:

— В вашем конкретном случае мы будем регулярно брать свежую кровь Джека, выделять из неё чистые лимфоциты — его иммунные клетки — и вводить их вам под кожу микродозами. Это жизненно необходимо для того, чтобы ваш агрессивный организм постепенно «привык» к биологическому коду Портера, успокоился и перестал с ним воевать. Вот.

Алекс стоически пыталась переварить и уложить в голове всё услышанное, но, сидя на этом диване и осознавая, что именно её ждёт, она почувствовала, как подступает новая волна паники. Одно дело — всю жизнь расти и слушать сказки про своё иллюзорное будущее. И совсем другое — когда оно прямо сейчас превращается в суровое, неотвратимое настоящее. Алекс нервно сглотнула подступивший к горлу ком.

— Думаю, у вас накопились вопросы, — максимально мягким, успокаивающим голосом произнёс Генри. — Я с радостью на всё отвечу.

— Я пока... Я даже не знаю, что спросить, — честно призналась Алекс, качнув головой. — Мысли слишком сильно путаются.

Генри понимающе кивнул:

— Слишком много новой информации, это немудрено. Я вас не тороплю, Алекс. Вы можете спокойно вернуться в свой жилой блок, всё обдумать, а завтра мы встретимся ещё раз. Я выделю время, чтобы подробно разобрать всё, что вас тревожит.

Девушка согласно кивнула — такой расклад её более чем устраивал. Генри поднялся со своего места и вежливо протянул Алекс руку, помогая ей встать с глубоких подушек дивана.

— Я вас провожу.

У самого выхода вдруг нерешительно остановилась.

— Джек... Какой он на самом деле? — сама от себя не ожидая, тихо спросила девушка.

Генри тепло улыбнулся. Его искренне радовало, что Алекс наконец-то перешагнула через свой страх и начала задавать вопросы.

— Заносчивый, упрямый. - честно ответил генетик. - Но точно достоин шанса. Думаю, его отчаяние можно понять, он здесь слишком долго. Но уверяю при всей сложности характера, он может стать очень преданным другом.

— Спасибо за ответ, — тихо произнесла Алекс и побрела к дверям приёмной.

Сегодня ей действительно было о чём подумать.

Глава 10

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.